

Секция VIII.

Русское словообразование

Производные от слова *око* в современном русском языке

М. Ю. Авдонина

Московский государственный лингвистический университет

Око, двусоставные производные, возрождение слова

Summary. The revival of the word “*oko / ochi*” has resulted in the widespread use of dibasic adjectives with the morpheme *-ok-* (over 230 units) in private messages and quite often in humorous meaning. In the Internet chats, in verse, particularly in graphorrhea, and in fantasy most of the derivatives we have found have lost the seme of *eye*, connotations dominating the basic meaning: the semes of beauty, lack of wit, intentional pomposity, irony and humor; headlights, any display with a screen, a water body.

Путем поиска в текстах сайтов, форумов, чатов сети Интернет, прессы, журналов составлен список из 230 первичных двусоставных производных от слова *око*, и еще более двухсот вторичных. Анализ их употребления показал, что в сознании людей происходит постепенное отеснение семы *орган зрения* с позиции основной семы форманта *-ок-*: *зеленоокие глаза, синеокие брови, зеленоокий солнечный простор, чернооких ресниц вечер; Не красуйся, ты не зеленоокий блондин с голубыми глазами*. Такие слова регулярно включаются в шуточные реплики: *Мне нравятся блондины. Нежнолицые, голубоокие и с красными, непременно красными ушками* (Тургеневская девушка). – *Это ж я! Вылитый я! Голубоокий, с красными ушками*. Фантастика и фэнтези, компьютерные игры, аниме дают героям такие имена как: *Тириэль Шуурокий, Лойгайра Семиокий; Майя Золотоокий, Сержа Злоочитый*. В значительном числе найденных нами случаев семантика форм неясна, смутна. Дериваты от *око* свободно вступают в сочетание с неодушевленными существительными, и белооки стали: *теплоход, туман, полночь, метель, звезда, ночь, копна, шваль*. Предлагаем классификацию обнаруженных нами 230 слов.

1. Цвет. Кроме обычных для цвета глаз слов: *голубоокий, зеленоокий, кареокий, разноокий, светлоокий, сероокий, синеокий, темноокий, черноокий*, в текстах найдены производные от: драгоценных камней: *сапфиурокий, бирюзовоокий, малахитоокий, изумрудноокий, яшмоокий*; цветов: *цветоокие, васильковоокий, лиловоокий, сиреневоокий, фиалковоокий, фиалкоокий, фиолетовоокий*; неба, воды: *дымчатоокий, лазурноокий, мореокий, ночеокий, озероокий*; оттенки желтого (а), красного (б) и других (в) цветов: а) *желтоокий, оранжевоокий, рыжеокий, янтарноокий, солнечноокий, солнцеокий*; б) *алоокий, вишневоокий, вишнеокий, красноокий, розовоокий, рубиноокий, пурпурноокий, червоноокий*; в) *белоокий, кофейноокий, кофеокий, радужноокий, седоокий, сизоокий, сизоокий, снежноокий, цветноокий, чайноокий*.

2. Блеск, прозрачность: *алмазноокий, бриллиантовоокий, звездоокий, звездноокий, искроокий, лучеокий, лучистоокий, молниеокий, мутноокий, огнеокий, солнечноокий, солнцеокий, хрустальноокий, яркоокий, ясноокий* (плюс приведенные ниже производные от слов *золото* и *серебро*).

3. Форма глаз, разрез: *круглоокий, лотосоокий, луноокий, лунноокий, миндалеокий, узкоокий*; другие особенности: *большеокий, голоокий, косоокий, кривоокий, крупноокий, лупоокий, малоокий, пучеокий, широкоокий, цуроокий*; адъективированные устойчивые сочетания (*ярое око – яроокий*), *бездонноокий, поволокоокая, недреманноокий*.

4. Впечатление от взгляда: *быстроокий, грозноокий злоокий, зоркоокий, невинноокий, остроокий, страшноокий*, часто в форме наречия: *ангелооко, наглооко* и, более образно, *саблеоко*. Отсутствие выражения в глазах: *бельмоокий, мертвоокий, слепоокий, стеклоокий, пустоокий, пустынноокий*.

5. Синестезия-оксюморон с вкусовыми ощущениями: *пресноокая, сладкоокий*; с тепловыми ощущениями: *жаркоокая, ледяноокая, хладноокий, теплоокий, холодноокая*; тактильными ощущениями, например, от ткани: *бархатноокий, шелковоокая*; металлы как форманты иногда имеют значение цвета, иногда это метафора блеска, иногда – свойств личности: *бронзовоокий, железноокий, златоокий,*

золотоокий, медноокий, оловянноокий, серебряноокий, сереброокий, среброокий, сталеокий, чугуноокий; камень и дерево: *каменноокий, древоокий*.

6. Выражение или форма глаз животных: *звероокий, дикоокий*; гипонимы: *волоокий, Волкоокое, змееокий, львиноокий, овцеокий, оленьеокий, павлиноокий, рыбоокий, псоокий, свиноокий, совоокий, тигроокий*;

7. Свойства характера: *властноокий, властоокий, глупоокий, гордоокий, дерзкоокий, доброокий, жадноокий, жестокоокий, злобноокий, мудроокий, нежноокий, правдивоокий, сильноокий, скромноокий, смешливоокая, страстноокий, умноокий, хитроокий, чуткоокая*; состояния души: *гореокий, одинокоокий, печальноокий, понуроокий, радостноокий, сумрачноокий, удивленноокий, сонноокая*; возраст: *юноокий*; отношение говорящего: *детоокий, Богоокий, вражеокий, демоноокий, милоокий, странноокой, фанатоокий*.

8. Бранные слова: многие из выше приведенных слов выступают в этой функции, например, чиновников принято ругать *оловянноокими*, но были обнаружены и производные от слов обцененной лексики.

9. Метафоры: *древнеокий, зимнеокий, дыроокий*; развернутая метафора: *доллароокий, утроока*. На совести современных стихотворцев останутся: *ветроокий, дождеокая, любвеокий*, а также семантическая несовместимость формантов: *вечеокий, высокоокий, лоноокий, полуокий, присноокий, жизнеокий, смертоокий*.

10. Оценка: *волищебноокая, прекрасноокая, суперокий, чудоокий*, (почти все слова с формантом *-ок-* несут значение оценки, исключение составляют узкоспециальные термины (например, относящиеся к стрельбе: *двуокий, левоокий, правоокий, равнооко*).

11. Числительные: *одноокий, 1-окий, двуокий, треокий, трехокий, триокий, три-окий, четвероокий, четыреокий, четырехокий, пятиокий, шестиокий, семиокий, восьмиоко, девятиокий, двенадцатиокий, стоокий, тысячеокие, тыщеокие, многоокий*.

12. Более сложные образования: *случайно-чайноокой, солнечно-окий, ясно-окий, яснооконька* (М. Цветаева) и даже: *Огненно – Лунно – Солнечно – окий и блеск-сероокая* (слово вынесено в название с пояснением: *подражание скальдическому стиху*, в тексте это эпитет к имени *Хельги*), например: *А осуши же ты своими ресницами мой, ***окий (вместо звездочек выбрать нужно: сине-, серо-, зелено-, каре-, другое-)* admarginem.stih.ru). Одно слово содержит формант, написанный латиницей: *vagabondo-окий*. Обнаружить подобные образования чрезвычайно трудно, поэтому возможно, что это не единственный случай.

Некоторые слова имеют архаичный вариант с формантом *-очитый*: *доброочитая, звездочитый, златочитый, злоочитый, многоочитый, невинноочитые, рыжеочитая, стоочитый, ясноочитые*.

Современные словари пока не отражают новой ситуации, и фиксируют, вслед за словарями XIX – начала XX века, лишь малую толику производных от слова *око*, но их употребление повсеместно. Важно, что это открытый, все время пополняющийся список. Взятые в отдельности одно такое слово можно было бы отнести к разряду окказиональных (авторских) неологизмов, но все вместе они составляют системную единицу лексики современного русского языка.

Субстантиваты – знаки культурных кодов

Ж. Р. Амирова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (Казахстан)

Субстантивированные слова, дискурс, культурные коды

Summary. The report deals with substantivants as signs of cultural codes.

Субстантивированные слова – результат процесса субстантивации, которая представляет собой распространенное языковое явление – один из видов транспозиции. Субстантивация отмечается учеными в русском языке с древнейших времен. В трудах М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслая, А. А. Потебни и др. рассматривались случаи диахронического перехода прилагательных в существительное. Исследование субстантивации прилагательных в русистике традиционно проводилось в грамматическом, словообразовательном, стилистическом аспектах (см. В. В. Бабайцева, В. В. Виноградов, Е. А. Земская, Л. Л. Зубова, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, М. Ф. Лукин, Н. А. Николина, В. М. Никитевич и мн. др.).

Современная наука (в том числе и лингвистика. – Ж. А.) все более выступает как деятельность, направленная на генерирование новых технологий (Г. Б. Юдин). Результатом гуманитарных технологий является та или иная поведенческая реакция индивида. Реакция индивида в процессе коммуникации зависит от речевого поведения партнера. Каждый из коммуникантов является носителем одного и более культурных кодов. Дискурс коммуниканта не только индивидуален, но и обусловлен социокультурным контекстом.

Предлагаемая лингвистическая технология направлена на то, чтобы слушающий (в том числе инофон) по употреблению субстантиватов в речи коммуниканта мог определить культурный код, знаком которого этот субстантиват выступает. Те или иные субстантивированные прилагательные выступают в роли «артефактов вербального дискурса» (Е. Н. Лучинская).

Наиболее широкий по объему и употребительности в различных сферах речевой деятельности словообразовательный тип субстантиватов с семантикой каких-либо видов предметов. В каждой из сфер речевой деятельности человека, в различных видах дискурса используется своя разновидность (подтип) видовых наименований. Так, для разговорного дискурса наиболее актуален подтип с семантикой сортов продуктов питания.

Востребованность определенных типов продуктов питания у населения влияет на возникновение своеобразного «номинативного бума» субстантиватов. Так, многие сорта конфет, печений, сыров, колбас, водки традиционно предпочитают называть в виде субстантивированных прилагательных. Например: конфеты «Ананасные», «Баянаульские», карамель «Взлетная», печенье «Детское». Особенно разнообразны названия водки: «Белая», «Столичная», «Царская» и т. п.

Фактор востребованности продуктов питания и устойчивость некоторых сортов становится решающим для перехода субстантивированных прилагательных в субстантиваты, например, «Театральные» – только конфеты, «Докторская» – только колбаса, «Белая» – только водка. Немаловажную роль при выборе наименования в субстантивированной форме играет региональный фактор. Так, в Казахстане актуальны такие наименования: карамель «Восточная», шоколад «Казахстанский», пиво «Карагандинское» и т. п. В сознании казахстанцев подобные субстантивированные слова выступают не только как обозначения бытовых реалий, но и наполняются символическим значением.

В отличие от производственно-профессионального и разговорного дискурсов в художественном дискурсе субстантиваты рассматриваемого подтипа помимо общеязыковой номинативной функции выполняют специфическую – худо-

жественную функцию. К художественной функции можно отнести экспрессивную, образную, эмоциональную.

В приводимом ниже отрывке из произведения современного писателя названия-субстантиваты стилистически используются как художественный прием. Они служат для выражения исторической достоверности, колорита описываемой эпохи и в то же время предают ностальгические, несколько даже иронические чувства. Кроме того, что немаловажно, писатель сознательно их «вспоминает», чтобы воздействовать на чувства читателей старшего поколения. Несомненно, со стилистической точки зрения, субстантиваты выполняют эмоционально-экспрессивную функцию в художественном тексте.

Если же рассматривать их с позиции современных направлений, то, очевидно, что данные субстантиваты – эти артефакты авторского дискурса – воспроизводят знаки культурного кода 60-х годов. С помощью субстантиватов-реалий автор воссоздает культурную ситуацию описываемого времени. Поэтому можно считать, что они выполняют символическую функцию, являются символами советского времени.

«Докторская» разновидность любимого москвичами продукта появлялась теперь раза три-четыре в год. Легче было с «Любительской». «Молочная» стоила чуть дешевле и котировалась ниже. А только что появившуюся «Останкинскую» с новым ГОСТом оставляли провинциальному десанту. (Ю. Арабов. Биг-бит).

В современном русском языке активно используется модель для образования наименований предприятий торговли и общественного питания определенными пищевыми товарами. Легко образуются номинации от названия продукта питания, который реализуется в данном заведении. Например: **булочная, блинная, закусочная, молочная**. Нередко возникают экзотические наименования от названий национальных блюд: *чебуречная, шашлычная*, даже восточный экзотизм – *мантная*.

В разговорном дискурсе горожан широко используются топонимы-урбанонимы, к ним мы отнесли названия городских объектов: зданий, театров, стадионов, административных районов города и т. п. Например: *Живу в Алмалинском, работаю в Бостандыкском, поэтому пользуюсь общественным транспортом* (запись разг. речи).

Приведем примеры из художественного дискурса, отражающего разговорную речь:

Завтра едем на «Ашукинскую»... Когда проехали Маленковскую, Колька вдруг сказал... (Ю. Арабов. Биг-бит).

В поэтической речи также часто встречаются подобные топонимы-урбанонимы: *Я не видел ту победу. / Я не знаю ту беду. / Я по Троицкому еду. / Я по Невскому иду.* (В. Брюховицкий). Очевидно, что слушающий должен знать, что эти субстантиваты – символы Санкт-Петербурга – знаки культурного кода.

Итак, можно сделать следующий вывод: субстантивированные слова довольно часто выполняют в языке функцию знаков культурных кодов. Они служат своеобразными артефактами различных видов дискурса. Их появление в речи связано зачастую с социокультурными признаками говорящего, его внутренним миром. Слушающий в процессе коммуникации должен «расшифровать» смысл, который стоит за этими субстантивированными словами. Таким образом, субстантиваты являются знаками культурных кодов.

Морфонологическая мотивированность производного слова

А. Г. Антипов

Кемеровский государственный университет

Мотивированность, морфонология, деривация, иконичность, категоризация

Summary. The report presents the analysis of the semiotic directions of the Russian morphonology, the dynamics and the perspectives in connection with the problematic researches of the linguistic categorization are shown.

Решение задач функционального описания деривационно-активных компонентов формальной структуры слова в их от-

ношении к приемам внутреннего словопорождения предвосхитило в русской морфонологии второй половины XX века

обоснование принципов семиотического подхода к явлениям «волнового синтеза» морфодеривационной формы языкового знака. Морфонологическое направление анализа мотивированности производных лексем стало все более соотноситься с исследованием морфонологической структуры слова в общей иерархии основных моделей порождения слова (семиозиса), ведь только в системе уровней порождения морфонологические явления проявляют (означивают) свои функции. Именно с этого рода задачами функционального описания морфонологии, учитывающими роль ее явлений в пространстве семиозиса, связана развиваемая нами концепция морфонологии как одного из уровней мотивированности, которым располагают производные знаки и во многом при поддержке которого реализуются функции их внутренних форм.

Морфонологическая структура слова является, на наш взгляд, не только не односторонним уровнем мотивированности знака, но именно тем семиотическим пространством, через которое соотношение звучания и значения в знаках, использующих приемы лексико-грамматической категоризации, предстает со всей очевидностью. Эта идея о структурообразующей роли морфонологических явлений в их отношении к внутренней форме слова, восходящая к учению И. А. Бодуэна де Куртэна о морфологизации и семасиологизации звуковых представлений, актуальна сегодня в связи с решением задач моделирования различных эффектов внутренней формы производного слова:

1. Описание межуровневой природы производного слова позволяет расширить представление о характере соотношения внутреннего и внешнего в пространстве языкового знака. В ходе изучения способов категоризации, которыми располагает производная лексика, важно доказать, что внутренние формы дериватов во многом симметричны компонентам их внешних форм, а асимметрия морфемной и словообразовательной структур производного слова оказывается лишь средством формирования этого типа иконических знаков (точнее – одним из этапов его динамического функционирования).

2. На выражение основных типов мотивированности настроена структура производного слова в целом, поэтому каждый из уровней взаимообусловленности звучания и значения способен усиливать в производном знаке степень его мотивированности, снижая действие тенденций к произвольности, которые в свою очередь нередко основываются на продуктивных иконических средствах организации словообразовательной формы словесного значения.

3. В пространстве языкового знака нет семиотически «пассивных» уровней, а в знаках с «живой» внутренней формой продуктивна каждая из односторонних единиц начиная с фонемы. Еще более определенную функциональность в аспекте внутренней формы имеют единицы морфонологической структуры, выполняющие наряду со структурообразующими индексальные функции. Действие семиотических факторов усиливается от морфем – к морфемным блокам отсылочной и формирующей частей дериватов, наиболее близких к компонентам внутренней формы, поэтому их формальные трансформации обычно сигнализируют о сдвигах в значении слова, а сами трансформации способны изменять функциональный статус вплоть до обретения ими плана означаемого.

С выявлением семиотических функций морфонологических процессов в аспекте их актуальности для языкового сознания носителей русского языка соотнесены задачи проводимого нами экспериментального исследования единиц морфонологической мотивированности производного слова.

В серии экспериментов по восприятию и осознанию формальной структуры производной лексики русского языка различных функциональных сфер установлено, что словообразовательная форма слова соответствует в сознании индивида иконически порождаемой знаковой структуре, что позволяет наблюдать в актах речевого мышления различные типы мотивированности производного слова. При этом степень ментальной активности единиц словообразовательной формы прямо пропорциональна их семиотическим функциям в общей иерархической структуре дериватов: каждый из уровней структуры производного слова прототипичен для языкового сознания, избирающего средства овнешнения своих репрезентаций.

Морфонологический уровень формальной структуры производного слова, наряду фонетическим и деривационным, сигнализирует о морфолексемных репрезентациях языкового сознания, отсылая через ассоциативных связи компонентов словообразовательной формы к концептуальным сущностям. В частности, активность морфонологических средств деривации основывается на выявлении модели порождаемого слова, которая становится прототипичной в ходе интерпретации актов номинативной деятельности. Поэтому выбор иконической структуры знака, в котором участвует морфонология, предсказывающая через диаграммные отношения выражение основных типов мотивированности производного слова (словообразовательной и лексической), позволяет моделировать процессы языковой категоризации. В этом ракурсе раскрывается потенциал деривационного функционирования морфонологии как системного явления языка – сознания, от которого зависит степень мотивированности производной лексемы, характер символических результатов языковой номинации, вариативность стратификации значений в экспонентной структуре слова.

Ассоциативно-стратегический характер единиц морфонологии производного слова отражается прежде всего через осознание индивидом контактной зоны в структуре дериватов – сферы множественности формальной структуры основы производящего слова и / или словообразовательного форманта. Восприятие морфонологической структуры связано в этом случае с закреплением релевантного содержания за тем или иным вариантом создаваемой мотивационной полисемии деривата. Идентификационной опорой при этом выступает, как правило, морфонологический маркер фузии и деривационных отношений (чередование или субморф), определяющий ассоциативное значение вариантов морфонологической структуры. Функционирование таких ассоциативно нагруженных морфонологических компонентов словообразовательной формы способствует системной дифференциации вариантов морфемной членности слова, связанных с категоризацией различий в сфере мотивирующей и формантной семантики производных лексем. В результате морфонологические единицы сужают мотивационно-ассоциативное пространство лексемы, уточняя эталонный и операциональный для языкового сознания статус единиц формальной структуры производного слова.

Системный характер словообразовательной терминологии XVI – нач. XVIII в.

О. Л. Арискина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Доломоновский период, грамматики, словообразование, морфемика, термины

Summary. The report is devoted to system-defined nature of linguistic terminology of XVI – XVIII centuries.

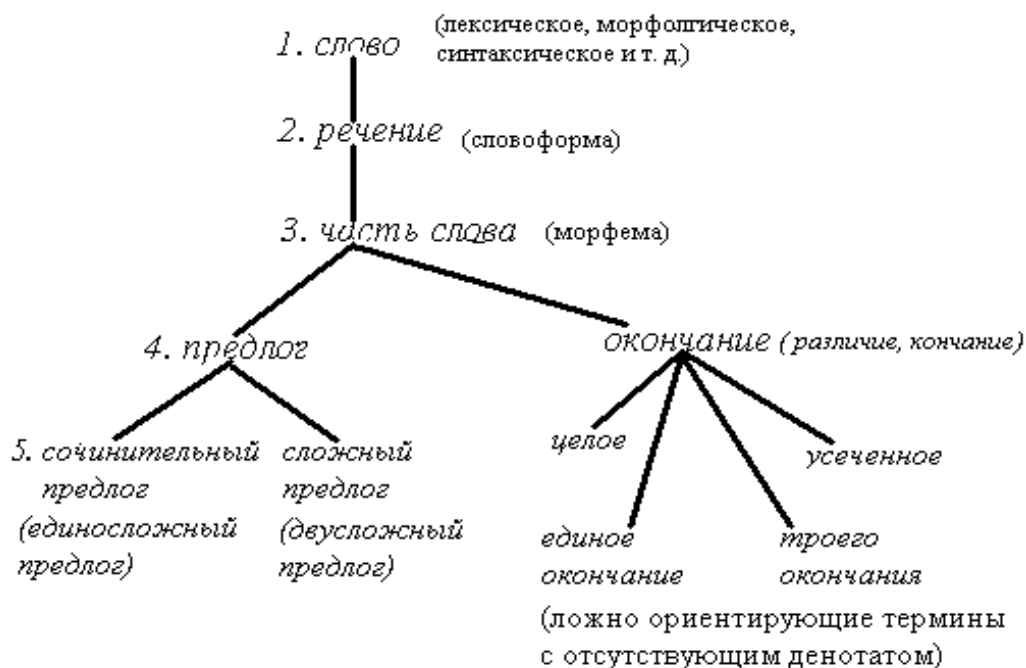
Морфемная и словообразовательная терминология доломновского периода представляла собой не что иное, как «зачаточные эскизы» современной морфемики и словообразования, наделенных статусом самостоятельных наук. Однако уже с XVI в. наблюдается стремление грамматистов к системной организованности терминологии. Материал показывает существование фундаментальных способов созда-

ния системности – парадигматический – родовидовая иерархия – и синтагматический – противопоставление или сопоставление одноуровневых межвидовых единиц (чаще всего антонимическое противопоставление межвидовых пар).

В отличие от современного состояния терминологии, где у многих сопоставимых и противопоставляемых терминов нет родовой единицы, термина-гиперонима, в средневе-

ковых грамматиках таких «незаполненных клеток» в термин-системах морфемики и словообразования не наблюдает-

ся. В трудах XVI – нач. XVIII в. прослеживается строгая иерархия терминологических единиц. Например:

Данный пример показывает сложную пятичленную парадигму с разветвленной синтагматикой.

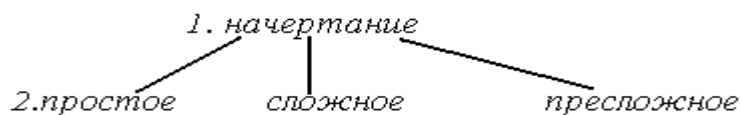
В области морфемной терминологии находим пример, когда трехчленная парадигма (трехуровневая иерархия)

упростилась до одноуровневой. Так, в «Адельфотисе...» выделялись такие виды *начертания* (морфемной структуры слова), как *субпростое*, *простое*, *сложное* и *пресложное*, которые системно можно представить таким образом:

По-видимому, последующими грамматистами было осознано, что *субпростое* – экспонент несуществующего, «призрачного» в славянских языках явления, вследствие

чего этот термин перестал функционировать, но вместе с его исчезновением была упрощена и данная микросистема:

В дальнейшем термин *начертание* начинает утрачивать свой «родовой» статус. Все чаще в грамматиках (начиная уже с Л. Зизания) видовые термины употребляются без родового (хотя родовый будет еще долго выделяться вместе со всеми базовыми терминами), роль *начертания* становится чисто символической. Возможно, данная тенденция была обусловлена ложно ориентирующими свойствами данного экспонента. Затем перестает функционировать и экспонент *пресложное*, сигнификативный признак которого так и не был стабилизирован. В результате родовый термин в этой микросистеме стал возможен лишь потенциально, а разветвленная синтагматика претерпела метаморфозу до антонимической пары: *простое* – *сложное*.

Линейные, синтагматические отношения чаще всего создаются с помощью антонимии: *превысшая* – *нижайшая*, *стропотное* – *подобоначертательное*, *неправильная* – *правильная*, *первообразное* – *производное*, *отглагольное* – *отыменное*, *простое* – *сложное*. Среди данных антонимических

пар можно увидеть начальные попытки создать единицы с устойчивыми системными терминологическими элементами: *не-* (*правильное*, – *неправильное*, *производное* – *непроизводное*), *от-* (*отыменное* – *отглагольное*), в связи с последним терминологическим элементом нужно заметить, что, отбросив префикс *от-* в термине *отглагольное*, лингвисты допустили две ошибки:

- 1) превратили правильно ориентирующий термин в ложно ориентирующий;
- 2) разрушили системные отношения.

Не наблюдаем системных отношений лишь в сфере глагольных терминов: *слагаться*, *начертываться*, *происходить*, *производиться*, а также в паре *начинательный* и *учащательный* – осмысление данных терминов пройдет долгий временной этап, а родовый экспонент появится лишь в XX в. – способы глагольного действия.

Несмотря на многие логические и языковые неувязки, стремление к системной терминологии и попытка ее создания – большая заслуга славянских ученых доломановского периода.

Проблема расширения лексического состава современного русского литературного языка в связи с выражением гендерных отношений

И. В. Баданина

Московский педагогический государственный университет

Современный русский литературный язык, разговорный язык, просторечие, существительные женского рода со значением лица, гендерные отношения

Summary. Substantives feminine, which were early unliterary, are penetrating in the temporary literary Russian language. This appearance has linguistic and extralinguistic causes.

В современный период развития русского языка увеличивается число употреблений существительных женского рода, называющих женщин по роду их деятельности и образующихся от соответствующих существительных мужского рода с помощью суффиксов *-иц(а)*, *-ниц(а)*, *-щиц(а)*, *-чиц(а)*, *-к(а)*, *-их(а)*, *-ш(а)*, *-есс(а)*, *-ис(а)* и нек. др. В данной работе рассматривается функционирование существительных с *-ш(а)*, которые начали образовываться в русском языке не ранее 1-й трети XVIII века ([1, 123], [4, 47]), называя жену по профессии (чину) мужа. В литературном языке редко возникала необходимость назвать женщину по данному признаку в силу ее социальной несамостоятельности, поэтому лексемы с *-ш(а)* оставались за его пределами. Даже в 20-е гг. XX в., когда в литературном языке наблюдался некоторый подъем активности в образовании и функционировании существительных женского рода, называющих лиц по роду их деятельности, лексемы с *-ш(а)* продолжали характеризоваться разговорной стилистической окраской. До последнего времени это в целом соответствовало сфере их употребления (см. также [5, 202]). Поэтому и в словарях образования с *-ш(а)* в большинстве случаев снабжаются пометами «разг.»: *бухгалтерша* ([10], [7] – значения «жена бухгалтера» и «женщина-бухгалтер»), *генеральша* ([9] – значение «жена генерала»), *дикторша* ([9], [11], [10] – значение «женщина-диктор»), *директорша* ([12], [10] – значение «жена директора»), *докторша* ([10] – значение «женщина-доктор»), *секретарша* ([12], [10], [7], [9] – значения «жена секретаря», «женщина-секретарь»), *слесарша* ([7], [10] – значение «жена слесаря»; «прост.»: *бухгалтерша* ([7] – значения «жена бухгалтера», «женщина-бухгалтер»), *директорша* ([7], [9] – значение «женщина-директор»; [9] – также значение «жена директора»), *докторша* ([7], [9] – значение «женщина-врач»), причем, как видно из приведенных примеров, помета «разг.» преобладает. Лишь в отдельных случаях такие слова даются без каких-либо стилистических помет: отмечены в [7] *генеральша* в значении «жена генерала» и *директорша* в значении «жена директора», в [9] *докторша* в значении «жена доктора».

Отсутствуют в современных словарях, но зафиксированы в словаре В. И. Даля лексемы *банкирша* (в обоих значениях) и *канцлерша* (в значении «жена, супруга канцлера»).

Вместе с тем в современном литературном языке, в частности в текстах СМИ, отмечается весьма частотное функционирование существительных с *-ш(а)* в обоих значениях, указанных в словарях, с преобладанием значения «женщина – представитель профессии, названной производящей основой», причем, судя по контекстам, авторы употребляют эти слова как стилистически нейтральные: *Бухгалтершу из провинции Коло обвиняют в «нецелевом использовании» 450 чеков этого предприятия. Судья приговорил ее к трем годам и девяти месяцам тюремного заключения, сообщает delfi.ee* (Пестрый мир. 30.01.2003 – Интернет); *Две команды, возглавляемые старым и новым канцлером (канцлершей), в состав которых войдут по 8 министров с каждой стороны, должны будут, прежде чем слиться в одну, уточнить общее направление движения, параметры предлагаемых реформ и рамки, в которых обязуются сотрудничать, по крайней мере, до следующих выборов.* («Новое время». № 42. 23.10.05); *Секретарши, особенно в маленьких фирмах и организациях, на самом деле являются полноценными администраторами.* (Kleo.ru. Карьера. «Как избежать того, чтобы навсегда остаться секретаршей» – Интернет).

Исследователями отмечается, что в современную эпоху лексемы и синтаксические конструкции из разговорного языка и просторечия массово переходят в литературный язык [3, 260]. Исследуемое нами проникновение слов с *-ш(а)* в литературный язык инициировано данным процессом, являющимся, таким образом, одной из его причин. Вторая причина обуславливается языковой тенденцией к экономии усилий: образование и употребление лексемы женского рода для названия женщины в языке более предпочтительно, чем употребление с этой же целью лексемы мужского рода, в ряде случаев создающее трудности в согласовании синтаксически связанных членов предложения: *новый врач вошла в кабинет*. Третьей причиной можно считать экстралингвистическую – повышение социальной активности женщин. Четвертая причина – влияние иностранных языков. В самом деле, в таких европейских языках, как, например, немецкий или западнославянские – польский, чешский, – существительные женского рода образуются беспрепятственно и стилистически нейтрально [2, 148]. В совокупности приведенные факторы оказываются сильнее запретительной тенденции, согласно которой образования с *-ш(а)* не являются принадлежностью литературного языка. В то же время эти лексемы продолжают употребляться в контекстах, где женщина характеризуется неодобрительно, иронически: *Параллельно ежедневно госпожа Устинова фигурирует в передаче «Час суда» в качестве то ли эксперта, то ли свадебного генерала... пардон, генеральши.* (Литературная газета. № 38. 20–26.09.06).

Таким образом, можно наблюдать, что в современном русском языке усложняется лексико-семантическая структура (у некоторых лексем появляется значение «женщина – представитель профессии») и стилистическая характеристика лексем с *-ш(а)*, одновременно более часто востребовано значение «женщина – представитель профессии», чем «жена лица, названного производящим словом». Это приводит к тому, что лексемы типа *генеральша*, *канцлерша* если еще не входят в состав литературного языка, то уже не воспринимаются в нем как чуждые элементы.

Литература

1. Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
4. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Ростов-на-Дону, 2001.
5. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Словари

6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950–1965.
7. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–3. М.; СПб., 2004–2005 (издание продолжается).
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980.
9. Словарь русского языка: В 4 т. М., 2000.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М., 2000.
11. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1995.
12. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1998.

Иноязычные аббревиатуры как структурный элемент слов и словосочетаний в современном русском языке

Л. А. Баранова

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского (Украина)

Аббревиатуры иноязычного происхождения

Summary. The types and forms of adoption and assimilation of the abbreviations by foreign origin and peculiarities of their functioning in the modern Russian language are analyzed in the article.

Отличительными чертами развития русского языка наших дней являются как активное проникновение в русский язык иноязычных наименований реалий жизни мирового сообщества, так и появление огромного количества образованных различными способами аббревиатур. В русской письменной речи заимствованные аббревиатуры занимают весьма заметное место, представляя собой в большинстве своем английские по происхождению сокращения названий общеизвестных реалий и явлений. Самым продуктивным среди различных способов сокращений в русском языке в новейший период считается инициальный (буквенный и звуковой) тип свертывания многочленных словосочетаний. Та же, но еще более ярко выраженная тенденция прослеживается и в отношении иноязычных аббревиатур. В то время как в русской аббревиологии выделяется значительный пласт неинициальных образований, подавляющее большинство аббревиатурных заимствований – это сокращения инициального типа. При освоении иноязычных аббревиатур используются все известные способы заимствования иноязычных слов и выражений: калькирование, транскрипция, транслитерация. Так, семантические кальки, будучи инициалами уже переведенных на русский язык многокомпонентных наименований, внешне ничем не напоминают о своем иноязычном происхождении, теряют видимую связь со своим аббревиатурным оригиналом, сохраняя лишь общность денотата и структурно-семантическое сходство. Они менее всего подвержены семантическим изменениям, сохраняя обычно свое прямое значение наименования определенной реалии. Исходная и калькированная аббревиатуры могут иметь разный порядок букв в силу отсутствия в русском языке грамматических структур, соответствующих оригиналу (*СПИД / AIDS*), разное количество составляющих букв (*МАГАТЭ / IAEA*) для удобства произношения. В новых аббревиатурах преобладают иные типы заимствования, причиной чего может быть не только неблагозвучие калькированного образования, но и созвучие его с уже имеющимися в русском языке словами (*SARS*, калькируемый как ТОРС, употребляется в русском языке в исходной форме или замещается сочетанием *атипичная пневмония*).

Транскрипция и транслитерация, сменив графический облик, сохраняют сходство звучания с исходной аббревиатурой: инициально-звуковой (*ЮНЕСКО, НАСА*) или инициально-буквенной (*BBC – Би-би-си, DJ – ди-джеи*). Возможно и сосуществование в русском языке одной и той же иноязычной аббревиатуры в виде и кальки, и транскрипции или транслитерации. Так, инициально-буквенная аббревиатура *НЛО* – калька английской инициально-звуковой аббревиатуры *UFO* – в структуре слов используется в виде ее русской транскрипции (*уфология, уфотуризм*) для удобства произношения полученного образования. Транскрипция и транслитерация, недавно вошедшие в употребление в русской письменной речи, во многих случаях сохраняют на первом этапе не только исходный звуковой, но и графический облик. Высшим этапом адаптации иноязычной аббревиатуры в русском языке можно считать превращение ее в самостоятельное цельноформенное слово, формирование семантической структуры, развитие новых значений, образование дериватов. Исследователи отмечают активные семантические процессы на материале русских неинициальных аббревиатур, однако наши наблюдения позволяют утверждать, что подобные процессы не менее активны и среди иноязычных инициальных аббревиатур. Многие из них (как в русской, так и в исходной графической форме) функционируют в структуре новой категории слов на пери-

ферии синтаксиса и словообразования – особого рода составных существительных – *биноминов* (по терминологии В. Шаде и М. В. Костроминой) или *изафетов* (по терминологии В. Г. Костомарова): *SMS-голосование, CD-плеер, DVD-плеер, VIP-зал / ВИП-гости, вип-клиенты, PR-акция / Пи-Ар-акция, пиар-акция*. Именно в комбинированных, разнографических биноминах наблюдается иногда явление тавтологии, когда второй компонент биномина уже присутствует в сокращенном виде в аббревиатуре, составляющей его первую часть: *VIP-персона, CD-диск, DVD-диск, SMS-сообщение*. Иноязычные аббревиатуры образуют и новые, самостоятельные слова (иногда в нехарактерной для русского языка комбинированной форме), с русскими слово- и формообразующими элементами: *VIP-ы, VIPы, VIPовский / ВИПовский, Виповский, виповский, SMSка / эсмэска, CDшка / сидюк, PR-щик, PRщик, пиарщик, пиаровец, самопиар, пиаркампания, пиаровский, пиарный, пиарить, пропиарить, пиариться, попиариться, пиарящийся, распиаренный* и под. В начале 1990-х годов акад. В. Г. Костомаров отметил как новое, доселе невиданное явление в русской письменной речи сращение русской аббревиатуры с продуктивными словообразовательными формантами и образование на их основе новых прилагательных и существительных-наименований лиц: «Как никогда много образуется прилагательных и имен лиц от буквенных аббревиатур, чего строго избегала, по крайней мере, письменная речь предшествующего периода, практически не допускавшая слов типа: *ГАИшник, МИ-Довец, казэбэшник, кзэбистский...*» [Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1997. С. 201]. Речь при этом шла только о русских аббревиатурах либо в редких случаях о семантических кальках заимствований. И если до 80–90-х годов прошлого века такие образования допускались лишь в устной разговорной речи, то уже сейчас наблюдения над языком прессы дают нам примеры широкого употребления слов, образованных по данной модели, основную массу которых составляют производные от заимствованных аббревиатур, включая гибридные – графически разнооформленные. Описанные способы словообразования на основе иноязычных аббревиатур развивают продуктивность в современном русском языке, что подтверждается активными дериационными процессами у ряда подобных слов и свидетельствует о полной освоенности модели системой языка, подтверждаемой примерами фиксации аббронезологизмов и их дериватов в современных словарях новых слов и значений, отражающих и неустойчивость в оформлении новообразований, вариантность слово- и формообразования, графического и орфографического их оформления. Такого рода процессы представляют собой определенную разновидность языковой гибридизации, актуальной в разных сферах языка. Разные заимствования демонстрируют разные темпы и степень вхождения в язык. Образование, сходные по формальным показателям с русскими словами, изменив графическую форму, достаточно быстро лексикализуются, формируют более широкую семантическую структуру, реализуют значительный словообразовательный потенциал в многочисленных дериватах. Интенсивность таких процессов в каждом случае обусловлена, в первую очередь, экстралингвистическими факторами: актуальностью обозначаемых явлений в жизни общества и, в силу этого, частотностью употребления сокращений и их дериватов в языке рекламы и прессы. Пресса, выступая как творец и пропагандист производных неологизмов, формирует на их основе новые устойчивые словосочетания (*черный пиар, желтый пиар*), использует их как элемент языковой игры (*пиар во время чумы*).

Особенности реализации и взаимодействия текстовых функций словообразовательных средств

Н. А. Белова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Словообразование функциональное (коммуникативное), функции первичные и вторичные, игра языковая

Summary. This report is dedicated to relevant problems of communicative word-building, in particular to the features of realization of the functions of the derivative word in fiction literature, to differentiation of primary and secondary functions of the derivative and to the analysis of their interaction.

Словообразование как особая языковая подсистема выполняет определенные функции (номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную, стилистическую и игровую [2, 8–10], [3, 143–145]). Важной задачей словообразовательного анализа является установление того, какие функции словообразования наиболее часто реализуются при образовании неузальных слов (окказионализмов, потенциальных слов) в современных художественных текстах, какие словообразовательные средства и типы наиболее частотны в данном случае.

Анализ текстов показывает, что номинативную функцию выполняют 75% всех неузальных дериватов в художественном тексте; напр., *хитромудрие*, *женоненасытчик*, *эпиграммущечка* (Ю. Поляков). Остальные функции характерны лишь для 25% неузальной лексики. В частности, конструктивную функцию, связанную с образованием синтаксических дериватов, выполняют 10% производных, ср.: *кое-как* → *кое-какность* (Т. Толстая). Компрессивная функция (сокращение уже имеющихся в языке единиц) характеризует 6% дериватов; напр., *страхкомпания* [*страховая компания*] (В. Аксенов). Игровую функцию (производное обыгрывает те или иные характеристики производящего слова) также реализуют приблизительно 6% дериватов; напр., *послайсит*, от англ. *to slice* – нарезать ломтиками (Т. Толстая). Экспрессивную функцию (производное создается для выражения субъективного отношения автора) выполняют не более 1% дериватов; напр., *верлибриятина*, *инакомыслятина* (Ю. Поляков). Еще реже дериват создается для реализации стилистической функции (производное отличается от базового лишь стилистической окраской): *интервью* → *интервьюшка* (В. Аксенов).

Одной из нерешенных задач функционального словообразования является исследование полифункциональности деривата. Анализ текстового поведения деривата показывает, что нередко у производного слова можно выделить не только основную функцию, но также одну или даже несколько вторичных функций. Для различения первичных и вторичных функций деривата представляется целесообразным учитывать два критерия:

а) системно-языковой критерий Ежи Куриловича: если дериват выполняет данную функцию только в определенном контексте, то такая функция вторична с деривационной точки зрения [4, 182–184];

б) собственно текстовый критерий: если дериват выполняет две или более функций, то, чтобы определить, какая из функций является основной, а какая вторичной, следует установить, с какой целью был создан данный дериват автором текста.

Анализ языкового материала показывает, что можно выделить как минимум 10 типов соотношения первичных и вторичных функций одного деривата. В докладе рассматриваются примеры таких соотношений. Ср., в частности, текстовые функции авторского неологизма *табулизм*: ...*Наде-*

юсь, вы одобрите название, которое я дал творческому методу, открытому Виктором! Табулизм. – Почти – бутулизм... – Ну что вы такое говорите? Это же – от «tabula rasa» (Ю. Поляков). Данный дериват выполняет прежде всего номинативную функцию, т. к. автор создает номинацию для новой реалии (особого творческого метода). Помимо указанной первичной функции для рассматриваемого деривата отмечается и компрессивная функция, которая проявляется в сокращении производящего латинского словосочетания *tabula rasa*. Очевидно, что первоочередной задачей для автора в данном случае было создать новую номинацию, а не просто сократить производящую базу; таким образом, компрессивная функция в дериватах подобного рода вторична.

Одной из недостаточно изученных является игровая функция словообразовательных средств. Она обладает рядом особенностей. Во-первых, в тексте игровая функция деривата всегда сопровождается какой-либо другой функцией, чаще всего стилистической. Во-вторых, игровая функция может реализовываться не только на уровне слова, но и на уровне высказывания. В этом случае, согласно критерию Е. Куриловича, она вторична, хотя для реализации художественного замысла автора текста именно она нередко является основной функцией деривата, так как в подобных случаях формально первичные функции производного слова, реализуемые им вне контекста, теряют свою значимость; ср.: *полусухой закон* (Ю. Поляков). Сам по себе дериват *полусухой* (*сухой* > *полусухой*), изъятый из контекста, выполняет только номинативную функцию, но не игровую. Однако не вызывает сомнений, что при создании данного производного слова автор преследовал цель обыграть целое словосочетание *сухой закон*; следовательно, дериват *полусухой* 'исполняемый наполовину сухой [закон]' является авторским неологизмом, на уровне высказывания выполняет игровую функцию и фактически омонимичен узальному прилагательному *сухой* 'не мокрый'.

Игровая функция словообразовательных средств может также реализовываться на уровне целого текста: *На то они и Запад. От слова «западня»!* (Ю. Поляков). В данном случае в соседних фрагментах текста наблюдается каламбурное столкновение слов, порождающее псевдомотивацию слова [1, 25].

Таким образом, функциональный подход к словообразованию предполагает детальное изучение типов соотношения различных текстовых функций дериватов.

Литература

1. Земская Е. А. Словообразование и текст // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
3. Земская Е. А. Функции словообразования в языке русского зарубежья // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistycznym. Katowice, 2000.
4. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Об антиполисемичных ограничениях в образовании производных слов

Г. В. Белякова

Астраханский государственный университет

Ограничения в образовании производных слов, антиполисемичные ограничения, суффиксальные локативные существительные, кодериваты

Summary. The author puts forward a hypothesis that presence of coderivatives with identical word-formation meanings and nonidentical lexical meanings in language can be considered as the result of realization of one of ways of antipolysemantic restrictions overcoming.

Исследование различных типов ограничений, действующих при образовании производных слов, является одним из перспективных направлений современной русской дериватологии.

Проблема типологизации внеязыковых и языковых ограничений затрагивалась в работах Е. А. Земской, И. Г. Милославского, И. С. Улуханова и др.

Одна из классификаций, предложенная последним лингвистом, предусматривает выделение исходных ограничений (ограничений, которые объясняются свойствами мотивирующего слова) и результирующих ограничений (ограничений, которые объясняются свойствами возможного или предполагаемого мотивированного слова). К последним, в частности, относятся антиполисемичные ограничения.

Нежесткость данного вида ограничений очевидна (например, дериват *песочница* является полисемантом – «в паровозе, вагоне – ящик с песком, автоматически высыпавшимся на рельсы во время движения для устранения буксования» и «ящик с песком, в котором играют дети»).

Однако наше исследование словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных показало, что в ряде случаев наблюдается «необразование» деривата именно в связи с нежеланием развития многозначности слова.

Весьма важным для понимания устройства деривационной подсистемы русского языка представляется выявление способов преодоления указанных выше ограничений.

Перестройка в современном русском языке

В. В. Борисенко

Кафедра славистики филологического факультета Белградского университета (Сербия)

Синтагматика, парадигматика, агглютинация, фузия, слово

В качестве исходного берется положение о том, что русский как представитель славянской языковой группы принадлежит флективному типу языковой структуры и представляет собой более синтетический тип устройства его грамматики, чем, скажем, германские языки, которые ближе к аналитическому типу. В докладе будет показана, как тенденция к аналитизму, которую отметил в русском языке еще в 60-е годы XX века М. В. Панов, приводит к перестройке самого типа словообразовательной модели русского слова, с одной стороны, и к изменению соотношения между морфемой и словом, с другой. В качестве основной используемой литературы берутся работы М. В. Панова, Е. А. Земской и других представителей МЛШ.

1. Два разных подхода к определению слова: а) слово как совокупность морфем – это синтагматический подход; б) слово как парадигма словоформ вплоть до фонемных и морфемных чередований в этих словоформах – парадигматический подход к слову. Там, где слово – сумма морфем, оно и по смыслу – только сумма смыслов морфем. В русском языке слово было сплавом, а не механическим соединением. Как писал М. В. Панов, в синтагматических языках слово – юрта: собрал-разобрал – все легко. Тогда как в русском языке далеко не всегда можно поделить слово на морфемы по форме и смыслу; оно не делится без остатка, а если и делится по форме, то не делится по смыслу, потому что каждое русское слово – особняк с уникальными элементами строения или с уникальным типом их сочленения.

Перестройка в современном русском языке проявляется прежде всего в том, что новой продуктивной словообразовательной моделью становится слово как синтагма морфем, вытесняя или перетолковывая старый тип слова как парадигмы словоформ: вместо химического сплава новые слова получаем путем механического соединения отдельных фрагментов при сохранении автономии каждого из них; агглютинация вместо фузии как доказательство автономии. Просто как СНГ вместо Союза.

Смысловая организация русских окказиональных сложных прилагательных

Р. Р. Грдзелян

Ереванский государственный университет (Армения)

Сложное слово, смысл, смысловая организация

Summary. In this papers the semantics of Russian adjective compounds is introduced. That compounds are formed by combining two separate words and created a new word meaning or a “bunch of meanings”.

В работе рассматриваются сложные прилагательные, рождающиеся в дискурсе и в художественном тексте. Определить их статус в языке и в словаре достаточно сложно в силу их конструктивной и семантической неоднородности. С одной стороны, модель словосложения известна русскому языку давно. Так, сложные прилагательные фиксируются в текстах XI–XVII веков. С другой же стороны, данная сло-

Как видится, наличие в языке кодериватов с тождественными словообразовательными значениями и нетождественными лексическими значениями можно рассматривать как результат реализации одного из таких способов. Так, например, от основы *теплый* образуются три суффиксальных локативных существительных, имеющих разные лексические значения: *теплица* «теплое застекленное помещение для выращивания ранних или южных растений; парник, оранжерея», *теплушка* «1. Отапливаемый товарный вагон, который предназначен для перевозки людей. 2. Теплое помещение на стадионах и строительных площадках, в котором можно греться», *тепляк* «1. Временное отапливаемое помещение на стройках. 2. Утепленное помещение для содержания скота-молодняка». Таким образом, можно предположить, что появление кодериватов обусловлено стремлением ограничить полисемию.

По нашим наблюдениям, данная возможность преодоления антиполисемичных ограничений используется в языке не очень активно.

2. Диглоссия как постоянная составляющая русского, точнее, российского литературного языка. На нынешнем этапе – это американизация: усвоение не только английской или американской лексики, но и использование американской фонетики и морфемки, т. н. пиджин-инглиш наряду с пиджин-рашен: *бизнес-вумен, киллер, фиш-пикник, рецепин, и выфактиваться, проаскать, бёздничек, пилёнок* и т. д. Морфемная прозрачность такой новой лексики и ее стандартность.

3. Ориентация на стандартизацию и телеграфность стиля, отсюда – повышение роли аббревиации различного типа: собственно аббревиатуры, сложносокращенные слова, компресивы, усечения, рассечения, увеличение аналит-прилагательных. Блочное строительство типа: *био-, гидро-, электро-, теле-, фото-, супер-, мини-* или *оборонка, расчленёнка, варёнка* и т. п. С другой стороны – *профи, фанат, экстрим* – это уже не с нулевыми, а с минусовыми суффиксами, т. е. слова, образованные методом отнимания части слова. И опять всюду – стандартность, четкая членимость, агглютинация вместо фузии, второе ударение и семантика целого просчитывается как сумма семантик его составляющих. (Ср. старое слово «интернационализм» и его нынешний антоним – «интер-национализм»).

4. Словообразование как словотворчество. Появление семантических неологизмов: (*стольник, пуховик, волгарь, позночничок, совок, мусоровоз, подснежник, негр* и т. п.). Стремление к созданию центонных текстов на основе аллюзий сразу к нескольким словам: напр., «Человек – это звучит горько!» (*гордо – Горький*) или «Язык до киллера доведет!» (*киллер – Киев*) и т. п. Слова здесь воспринимаются как бы поделенными по слога, но не по морфемам. Опять перестройка? или переключка? или перестрелка? или передел?..

5. Таким образом, появился новый тип слов в русском языке: слова – юрты вместо слов – особняков. Новые границы между бывшими морфемами становятся границами между словами, поскольку свободные новые комбинации таких морфем придают им статус лексем.

вообразовательная модель в русском языке не самая частотная и продуктивная. Возможно, с этим связана также проблема слитного, дефисного или раздельного написания сложных прилагательных. Подобная орфографическая проблема является отражением ряда теоретических проблем, связанных с осмыслением таких сложений. Это, в первую очередь, проблема определения границ слова, установления

критериев разграничения слова и словосочетания. Это также проблема установления слова как словарной единицы. Известно, что подавляющее большинство сложных прилагательных, особенно прилагательных с дефисным написанием, не отражено в толковых словарях русского языка. Тогда как, скажем, армянские композиты, наоборот, в подавляющем большинстве случаев находят отражение в словарях. Связано ли это с грамматической традицией, с особенностями психологического восприятия границ слова и привычкой или же с различной смысловой природой русского и армянского композитов – вот вопросы, на которые мы стремимся дать ответы.

В исследовании показана связь между орфографией сложного прилагательного, его смысловой организацией, морфологическими особенностями составляющих его частей, а также в отдельных случаях синтаксической позицией в предложении и характером лексической сочетаемости.

Антропоцентрический аспект словообразовательной семантики мутационного существительного в русском языке XIX–XXI вв.

В. М. Грязнова

Ставропольский государственный университет

Эксплицитные и имплицитные словообразовательные компоненты, универсальность, антропоцентричность

Summary. In this report are researched the semantics of the motive personal appellation, conditional by anthropocentric reasons on materials of Russian language of the XIX–XXI century.

Анализ мотивированного существительного с мутационным значением в динамическом аспекте выявляет в его семантике «следы» преобразования первичного и более сложного знака-предложения – во вторичный знак-слово.

Выдающийся русский ученый А. Ф. Лосев в связи с пониманием языка как живой осуществленности мысли в ее коммуникативной функции писал, что «поскольку предложение является развернутой формой лежащего в основе всякого языка предикатива, которое, в свою очередь, диктуется самым общим и необходимым образом как важнейший акт человеческого сознания и мышления, несомненно этими актами предикатива / пусть не в такой развернутой форме, как это происходит в предложении / должен характеризоваться весь язык вообще с начала и до конца, а значит – любой специфически языковой знак» [1, 404]. В литературе вопроса существует ряд работ русских ученых, посвященных соотношению предикатива и такого языкового знака, как слово. Это работы Б. Н. Головина, Е. С. Кубряковой, Л. Н. Мурзина.

В то же время мотивированные слова с мутационным значением еще не достаточно изучены в плане сопоставления: а) их семантической и формальной структуры и б) семантики исходной семантической дефиниции данного имени как источника мотивации – с целью выявления тех компонентов значения исходного высказывания, которые не получили эксплицитного отдельного выражения в структуре мотивированного имени. В данном докладе рассматривается характер преобразования значения предиката исходной семантической дефиниции в личном мотивированном существительном с мутационным значением. Материалом послужили словари и тексты русского литературного языка XIX–XXI вв.

Анализ видо-временной семантики предикатов исходных семантических дефиниций названных имен показывает, что мотивированное имя избирательно отражает видо-временную семантику предиката. Из возможного веера видо-временных значений в семантике мотивированного существительного в свернутом виде присутствует семантика либо настоящего неактуального времени НСВ, либо прошедшего перфектного времени СВ, либо и то и другое вместе. Ср: а) возможный исходный источник мотивации «тот, кто играет, играл, сыграл, будет играть на флейте» и словарное толкование лексемы *флейтист* – тот, кто играет на флейте, б) возможный исходный источник мотивации «тот, кто руководит, руководил, будет руководить кем-л.» и словарное толкование лексемы *руководитель* – «тот, кто руководит кем-либо». Семантический компонент в значении мотивированного личного существительного, отражающий значение настоящего неактуального времени НСВ, мы определяем как компонент «презентность», а семантический компо-

Исследование корпуса поэтических текстов позволило нам пронаблюдать механизмы номинации окказиональных сложных прилагательных и убедиться в разнородности и сложности их смысловой организации. Подобное исследование побудило нас также к таксономическому рассмотрению сложных окказиональных прилагательных с точки зрения именно их смысловой организации. В основу подобной классификации мы положили взаимодействие двух значений и рассматривали эти прилагательные как своего рода «смысловые солидарности», где у каждой из частей есть своя роль. Нас интересовало, какого типа значения могут объединяться в одно смысловое целое, каковы мотивы такого объединения, в какие синтаксические конструкции могут трансформироваться подобные слова и всегда ли они могут подвергаться подобным преобразованиям, а также чем отличаются в смысловом отношении сложные прилагательные и их синтаксические корреляты.

нент, отражающий значение прошедшего перфектного времени СВ, мы определяем как компонент «перфектность» [2, 45].

Интегральность этих сем, обязательность их присутствия в семантике изучаемых имен, высокий уровень обобщенности приводит к характеристике этих компонентов как категориальной словообразовательной архисемы изучаемых мотивированных существительных мужского рода с мутационным значением. В итоговой семантике дефиниции, раскрывающей значение мотивированного слова (сконструированной автором на основе словарного толкования и текстов выхождения лексемы) категориальная словообразовательная архисема выражается личной формой глагола, занимающего позиции предиката: *победитель* – тот, кто победил, побеждает кого-либо, *блинник* – тот, кто печет блины, *зачинщик* – тот, кто первый зачинает или начал что-нибудь (Сл. 1847 г.), *покущик* – кто покупает (Сл. Соколова), *покупщик* – покупающий или купивший что-либо (Сл. 1847 г.), *освободитель* – тот, кто освободил, освобождает кого, что-нибудь (БАС), *освободитель* – тот, кто освобождает кого, что-нибудь (СУ). *Обидчик* – тот, кто обидел, обижает кого-либо (МАС); *обидчик* – обидевший кого-либо (СУ). *Предатель* – человек, который предал, предает кого, что-либо. (СО), *предатель* – тот, кто предал кого-либо, нарушил верность кому, чему-либо (СО). *Победитель* – тот, кто победил, одержал победу (СО), *победитель* – тот, кто одержал, одерживает победу (БАС). *Отличник* – 1) учащийся, получивший отличные оценки по учебным предметам (БАС), *отличник* – учащийся, имеющий высшую оценку знаний, отметку отлично (СУ). *Беглец* – человек, спасающийся бегством, находящийся в бегах (СУ), *беглец* – тот, кто спасается или спасся бегством (СО).

Выявленная совокупность фактов: совмещение в одном толковании глагольных форм с компонентом «презентность» и «перфектность», вариантность толкований одного и того же слова по отношению к выражению данных компонентов в разных словарях одного и того же периода позволяет сделать определенные выводы: 1) компоненты «презентность» и «перфектность» являются универсальными в семантике мутационного личного имени в русском языке XIX–XXI вв. (очевидно, это верно и для семантики названных имен и предыдущих периодов); 2) данные компоненты являются разновидностями одной категориальной словообразовательной семы и не противоречат друг другу; 3) данные компоненты могут быть как эксплицитными (в девербативах), так и имплицитными; 4) данные компоненты могут совмещаться в семантике слова при внеконтекстном его восприятии; 5) компонент «презентность» является не только более распространенным, но и более приоритетным, об этом свидетельствуют те словарные дефиниции, в которых

употреблены две глагольные формы: форма со значением презентности в абсолютном большинстве стоит на первом месте (см. примеры выше). Исключения очень редки, напр., в Словаре Соколова читаем: *постройщик* – кто построил или строит что.

В целом содержание категориальной словообразовательной семы личных имен с мутационным значением в русском языке XIX–XXI вв. обусловлено не только «следами» ономазиологической истории имени, не только отражением в семантике мотивированного имени разносторонних связей реалий объективной действительности (вневременных, конкретно-процессных, конкретно-фактических), но и *мнением субъекта* как центра речевой деятельности по поводу обозначаемого: в содержании семы «презентность и/или перфектность» отображается факт стабильного и даже вневременного существования обозначаемых реалий и но-

сителя языка, применяющего (понимающего) наименования этих реалий. Именно отображение, а не отражение действительности в языковой картине мира демонстрирует салиентность (значимость) картины мира: при отображении семантизируются и вербализируются только безусловно значимые объекты, явления и их свойства. Необходимо подчеркнуть, что салиентность как характеристика языковой картины мира тесно связана с человеческим фактором в языке, т. к. ориентирована на человека.

Литература

1. Лосев А. Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности // ИАН. Серия литературы и языка. Т. 35, 1976.
2. Грязнова В. М. Личные существительные в русском литературном языке XIX в. М., 1989.

Когнитивные аспекты иконичности производного слова (на материале окказиональной деривации газетного дискурса)

Э. С. Денисова

Кемеровский государственный университет

Когнитивное словообразование, категория иконичности, окказиональное слово, словообразовательная форма, степень мотивированности производного знака

Summary. By one of debatable questions in modern semiotics and linguistics continues to remain a phenomenon iconicity of a derivative sign. The prospects of development of the given problem are determined in cognitive linguistics, considering iconic characteristic of a derivative word in various aspects. Just cognitive the version of the theory of a derivation correlates process of formation of a new word to his language and speech functioning.

Перспективы развития проблемы иконичности производного знака определены в языкознании XX–XXI вв. в теории когнитивной лингвистики, связанной с изучением иконических тенденций языка в их отношении к процессам концептуализации и категоризации, к моделям языковых форм, используемых в ходе познавательной деятельности человека. Когнитивная трактовка феномена иконичности представляет собой логичное развитие идей Ч. С. Пирса и Р. О. Якобсона. Помимо признания иконичности в качестве онтологического свойства знаков (образо- и языкоподобных сущностей), основанных на реальном сходстве с объектами референции, освещение феноменов иконичности в когнитивной лингвистике неразрывно связано с исследованием категорий производности / мотивированности системы языка, ее единиц и основных уровней.

В когнитивной версии словообразования осмысление феномена иконичности мотивированного знака происходит в нескольких направлениях. Иконичность трактуется 1) как степень мотивированности / маркированности производного знака (деривационный, мотивационный аспект); 2) как характеристика ментально-языкового процесса выбора средств языковой номинации, необходимых для обозначения релевантного содержания в условиях дискурса / текста (ономазиологический, дискурсивный аспекты); 3) как способ «упаковки», репрезентации информации (значения) в словообразовательной форме (пропозициональный, концептуально-семантический аспект).

Трактовка понятия иконичности не только как «максимальной изоморфности означаемого и означющего» (широкое понимание), но и как **показателя «маркированности» языкового знака** (узкое понимание) объясняет, почему в словообразовательном аспекте иконические отношения возникают в семантически маркированных формах – производных словах, более емких, компенсаторных единицах номинации, иконичных по способу представления значения, но в меньшей степени эксплицитных, чем равнозначные по денотату парафразы.

Постановка вопроса о мотивированности языкового знака в различных трактовках отвечает иконической сущности языка, поэтому понимание различной степени мотивированности его единиц является тем компромиссом, который уточняет проблему общей производности языковых знаков. Возникая в акте семиозиса, любая производная единица семиотической системы **изначально** создается как **иконическая**, устанавливая связь между денотатом и именем посредством мотивированной формы языкового знака; дальнейшее же ее функционирование зависит от степени ико-

ничности структуры, т. е. «прозрачности» / «затемненности» словообразовательной формы.

Тем самым построение «шкалы иконичности» для окказиональных слов как знаков с повышенной условностью структуры позволяет отразить степень минимальности / максимальности иконического соответствия их словообразовательной формы при восприятии носителем языка стандартных и неузальных моделей образования данного вида знаков. Анализ материала свободного ассоциативного эксперимента позволил проследить следующие закономерности организации окказиональных знаков: крайние полюса шкалы стандартных способов образования дериватов занимают префиксация и аббревиация, между ними в порядке убывания степени иконичности располагаются остальные способы; ср.: префиксация (+) → суффиксация → префиксально-суффиксальный способ → сложение → нулевая суффиксация → аббревиация (–).

Установление степеней деривационной иконичности (мотивированности) и выработка списка условий, от которых зависит распределение производного слова на шкале иконичности / символичности, позволяют выявить основные закономерности иконического кодирования, предсказать выводимость и регулярность невыраженных в словообразовательной форме окказионализма смыслов.

Когнитивное словообразование, продолжая развивать ономазиологическое направление дериватологии, акцентирует внимание и на самом процессе зарождения знаков, отмечая, что главным условием «успешности» образованных знаков является его соответствие как интенциям и стремлениям говорящего, так и реальным условиям дискурса. Потому иконичным представляется и **выбор языкового средства номинации**, отвечающего коммуникативно-прагматическим условиям (принцип иконической релевантности выбранного обозначения).

Зарождаясь в процессе семиозиса, производный знак как универсальная единица номинации выражает значение таким образом, что содержательной расчлененности обозначаемой структуры соответствует расчлененность формальная, отраженная в морфологической структуре знака. Подобный способ выражения значения возможен благодаря мотивирующему суждению, задающему форму, семантику и интерпретанту знака, которые в свою очередь отражают через свои формы иконической репрезентации синтаксические потенции словообразовательных моделей.

Иконичность производного слова в аспекте симметрии его форм (внутренней / внешней), ведущих уровней семиозиса, участвующих в процессах деривации (морфологических, син-

таксических, семантических), приводит к определению этого класса знаков как когнитивно-дискурсивных образований (Е. С. Кубрякова). Поэтому закономерен анализ формирования и функционирования производного слова как в коммуникативно обусловленном внешнем контексте (газетном дискурсе), так и во внутреннем контексте языковых категорий и их ментальных аналогов. Именно благодаря своему функционированию в коммуникативном пространстве мотивационного дискурса окказионализм обретает определенную степень иконичности своей знаковой структуры.

Иконической можно считать поэтому и саму «упаковку» информации в дериватах, причем распределение информации по поверхности слова носит индексальный характер: категориальный базис фиксируется правым членом деривата, а приписываемые базису признаки расположены в левостоящих компонентах. Отступление от подобного канона, когда для передачи содержания формируются особые, нестандарт-

ные модели словопроизводства, свойственно главным образом экспрессивному (в т. ч. и окказиональному) словообразованию, реализующему тот же иконический принцип.

Таким образом, когнитивное словообразование рассматривает иконические характеристики производного слова разноаспектно, соотнося процесс семиозиса с тенденциями языкового и речевого функционирования. В свете изложенных когнитивных дефиниций представляется возможным утверждать, что феномен иконичности свойственен всем производным знакам как (1) единицам номинации, онтологически мотивированным в процессе семиозиса, (2) через реализацию функционального принципа иконической релевантности выбранного обозначения, (3) имеющего иконически расчлененный способ выражения значения и (4) обретающего определенную степень иконичности своей знаковой структуры (симметрии означающего и означаемого) в процессе функционирования в дискурсе / тексте.

Морфема с позиций прототипического подхода

Л. К. Жаналина

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы (Казахстан)

Морфема, когнитивный, концептуализация, категоризация, прототип

Summary. Application of the prototype theory to develop the morpheme definition allows to identify a set of characteristics of the prototype sample in the morpheme family, as well as the possible lower bounds for the family resemblances in the category. Standard characteristics demonstrate themselves in semantic, formal, systemic and functional aspects of the morpheme as a basic unit of the language system and as a building block in the process of word-formation and inflexion and becomes their result.

Структурирование ментального пространства диктуется процессами концептуализации и категоризации, которые представляют язык. Языковые категории имеют отмечаемую Е. С. Кубряковой специфику и могут отражать знания о мире и знания о языке.

Морфема относится к числу «вербально-ориентированных категорий», в определении границ которой входят три процедуры: 1) сравнение морфем с другими языковыми единицами в системе языка, с одной стороны, и с поведением элементов, синтезируемых в речевой деятельности – с другой; 2) определение оснований для квалификации языковой единицы как морфемы; 3) подведение языковых единиц с разным набором признаков под класс морфем.

Первая процедура показывает, что границы класса морфем характеризуются расплывчатостью, нежесткостью и некоторой подвижностью, что диктует необходимость выделения прототипа как образца, который используется как основание для идентификации морфем (вторая процедура).

Для представления прототипа, имеющего статус базового концепта, лингвистика предлагает две модели – модель пучка признаков, восходящую к «теории перечня признаков» и пропозитивную модель, описываемую в терминах «падежной грамматики». Выбор первой когнитивной схемы для описания морфемы онтологически детерминирован, и это обнаруживают дефиниции морфемы, даваемые структурно-семантическим словообразованием. Они построены на выявлении соотношения морфемы с ее типами – префиксами, суффиксами и т. п. в языковой системе, с ее конкретными представителями в составе слова, словоформы, в разном окружении, возникающем как результат словообразования или словоизменения, а также на основе ее сравнения с фонемами, слогами, словами. При этом отмечаются разные признаки морфемы, представляющие ее формальную, семантическую, системную и функциональную стороны.

Единство данных аспектов отражает прототип морфемы, обладающий набором признаков и отвечающий следующим критериям: а) входящие в него признаки повторяются во всех морфемах; б) количество признаков, отличающих прототип от других морфем, наименьшее; в) признаки являются базовыми и обеспечивают наилучшую распознаваемость, быструю идентификацию категории; г) прототип имеет наибольшую частотность использования в научном и учебном текстах.

К формальным признакам, представляющим прототип морфемы относятся минимальность (нечленность), звуковая немоделируемость. К непрототипическим признакам относятся устойчивость звукового состава, непроницаемость

(см.: *песок – пески*), признаки формального тождества с фонемой, со слогом, со словом.

Семантическим признаком, позволяющим идентифицировать морфему, является наличие значения. Признаками, которые присущи лишь части членов класса морфем являются членность (многозначность) / нечленность (однозначность) значения; однозначность / многозначность; синтагматические, или контекстные, значения; значения разной степени абстракции, выражающие категориальные – частеречные, родовые, видовые, индивидуальные признаки и т. д.

Признаки прототипической морфемы как единицы языковой системы составляют элементарность, включенность в сеть языковых отношений, системообразующая функция. Неэталонные системные признаки размывают границы категории, ставя морфемы в отношения оппозиции, как и семантические признаки. Это признаки повторяемости / неповторяемости.

Идентифицирующие функциональные признаки представляют доминативность, конструктивно-семантическая функция, воспроизводимость. Не все морфемы дифференцируются признаками конститутивности, валентности, синтагматической самостоятельности и / или связанности.

Рассмотрение морфемы как прототипа устраняет противоречия, связанные с решением ее природы – реальности или отнесенности к научным абстракциям. Прототип представляет ядро категории, с ориентацией на которое осуществляются идентификационные процедуры и выявляется степень подобия ему, т. е. степень членства морфем в категории. Конкретные морфемы, соответствующие прототипу, относятся к ядру категории и репрезентируют ее. Степень членства в категории уменьшается, чем больше непрототипических признаков имеет морфема. Например, корневая морфема *шоссе* (непрототипические признаки: тождественно слову, частеречный, родовой, индивидуальный признаки, повторяемость, воспроизводимость, валентность, синтагматическая самостоятельность и связанность) более репрезентативна, по сравнению с корнем *боа* (непрототипические признаки: тождественно слову, частеречный, родовой, индивидуальный признаки, неповторяемость, невозпроизводимость, отсутствие валентности, синтагматическая самостоятельность). У второго корня количество непрототипических признаков приумножается за счет трех отрицаний.

Прототипический подход необходим и для выявления основных признаков корня, благодаря его максимальному сближению на одной из границ категории со словами (непроизводные неизменяемые слова) и на другой с аффиксами (аффиксоиды).

Наиболее размытыми являются семантические границы между категориями корня и слова.

Корень вступает в два вида соотношения со словом в системно-структурной и функциональной морфемике. В языковой системе они соотносятся как разные языковые единицы. Второе соотношение возникает в процессах синтеза морфем и в результатах этого синтеза.

Первое соотношение. Оно возникает у корня как морфемы, которая выступает как одна из языковых единиц, наряду со словом, словосочетанием и т. д. В этом статусе морфема входит, как самостоятельная (изолированная) единица, в систему морфем и далее в систему языка. Такой корень несет категориальные, включая частеречные, и идентифицирующие признаки. Значения корня не отягощено грамматическими значениями форм, выражаемыми в изменяемых словах окончаниями, значениями. Второе соотношение. Морфема выступает как часть слова, участвуя в процессах морфемного синтеза и в их результатах (в функциональной морфемике). Если слово имеет лексическое значение, включающее идентифицирующие и категориальные, в том числе частеречные, признаки, то корневая морфема в его составе стоит в слабой позиции перед окончанием и / или перед суффиксом, поэтому утрачи-

вает в структуре слова частеречное значение, так как его выражает окончание, которое, находясь в конце слова, имеет сильную позицию. Окончание нейтрализует частеречное значение только корня или корня и суффикса. Например: *двор-Ø*, *двор-ник-Ø*, *земл-я*, *земл-щ-а*. Такой корень несет идентифицирующие признаки в сочетании с категориальными признаками, меньшей абстракции (родовой, видовой), чем утраченный в составе слова частеречный признак.

В составе неизменяемого слова корень находится в сильной позиции конца, за ним не следуют другие морфемы, поэтому он сохраняет все категориальные, в том числе частеречные, и идентифицирующие признаки, т. е. сохраняет семантику, присущую ему в языковой системе. Семантическое сравнение корня со словом показывает, что эталонными семантическими признаками корня являются категориальные признаки, исключая частеречный, и идентифицирующие признаки, отражающие разные уровни абстракции лексического значения корня.

Как показал проведенный краткий анализ морфемы с позиций прототипического подхода, он имеет большие перспективы позволяет упорядочить лингвистические знания с учетом специфики человеческого мышления.

Деривационно-семантические поля русских неологизмов (на материале неологизмов 1970–2005 гг. с глагольными корнями)

М. Н. Золотарева

Черноморский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Севастополь

Словообразовательное значение, сема, деривационно-семантическое пространство, деривационно-семантическое поле, неологизм

Summary. Russian neologisms with verb root are analyzed from the point of view of derivation semantic space. The field structure of semantic derivational space determines its core-periphery nature, the core being formed by the derivatives with categorical and grammatical semantic corresponding to the semantic of field, i. e. action for verbs, agent for nouns etc. Spheres most widely enriched with neologisms are those of action and object. Unequal rate of development of different derivational semantic spheres is determined by extralinguistic factor.

Активная разработка пространственного подхода к изучению различных языковых явлений в конце XX века обусловила попытки применения понятия пространства к анализу словообразовательных единиц. Это позволило говорить о существовании деривационно-семантического пространства (ДСП) в языке.

Понятие ДСП разработано в докторской диссертации Т. В. Поповой на примере русского глагола. По мнению Л. Г. Бабенко, ДСП выделяется в качестве самостоятельного пространства только в исследовательских целях, поскольку в языковой реальности оно является разновидностью семантического. Производные слова по-своему (в отличие от исходных единиц) отображают мир реальности и его характерные признаки и свойства.

В формировании ДСП участвуют словообразовательные значения (СЗ). СЗ и семы, из которых они состоят, – это элементарные единицы ДСП. Объединение СЗ в семантические категории (СК) происходит в результате совпадения в их составе отдельных сем. Поскольку СЗ полисемны, разные семы могут вводить одно и то же СЗ одновременно в несколько СК. Однотипные СК объединяются в деривационно-семантические подполя (ДПП), однотипные ДПП – деривационно-семантические поля (ДП). Поэтому такие явления, как сема, СЗ, СК, ДПП и ДП находятся в отношениях последовательного включения. Состав полей, образуемых СЗ неологизмов, выделялся с опорой на ДСП, характерное для глагола. Исследователям по словообразованию доказано, что дериваты являются реализацией семантико-синтаксических валентностей производящей единицы. Поэтому рассматриваемые неологизмы (6000 лексем) также являются своеобразной транспозицией одного из семантических компонентов вершины гнезда (или его деривата) в самостоятельное слово.

Семантика глагола пропозициональна и отражает одну или несколько ситуаций, актантно-сирконстантно-предикатная структура которой (которых) и стала основой для выделения деривационно-семантических полей (ДП) неологизмов. Данная типология ДП в ДСП скорректирована с учетом полей, выделенных для производных существительных О. Г. Ревзиной: поле *лица*, поле *предмета* и поле *действия*. Это представлялось необходимым, поскольку подавляющее большинство рассматриваемых неологизмов относится

именно к субстантивам. Кроме того, состав ДП глагольного и именного ДСП частично совпадает, в частности, в оба ДСП под разными именами входят поля *лица*, *предмета* (орудия, объекта, места и т. п.) и под. При выделении ДП учитывалась также типология функционально-семантических полей, разработанная в серии монографий «Теория функциональной грамматики».

Полевая структура рассматриваемых ДП предполагает, что и в деривационно-семантических полях можно выделить центральные и периферийные части. В основу выделения центральных и периферийных явлений положены количественные и функциональные критерии: к ядру относятся те дериваты, в СЗ которых исследуемая сема является категориально-лексической. СЗ, фиксирующие исследуемый компонент на уровне дифференциальной словообразовательной семы, относятся к периферии.

Анализ ДСП русских неологизмов с глагольными корнями обнаружил следующее.

В ДСП русских неологизмов отчетливо выделяются 5 взаимосвязанных и пересекающихся областей – сферы лица, предмета, их признаков, сфера действия и его сирконстантно-обстоятельственной характеристики.

Эти поля состоят из 23 подполей (ДПП): ДП «*Лицо*» – из 1) ДПП лица мужского пола; 2) ДПП лица женского пола; 3) ДПП детеныша; 4) ДПП совокупности лиц; 5) ДПП модифицированного лица; ДП «*Предмет*» – из 6) ДПП объекта; 7) ДПП орудия, инструмента; 8) ДПП совокупности предметов; ДП «*Действие*» – из 9) ДПП собственно действия; 10) ДПП дополнительного действия; 11) ДПП неполного действия; 12) ДПП следствия-результата; 13) ДПП фазы действия; ДП «*Обстоятельство*» – из 14) ДПП способа действия; 15) ДПП интенсивного действия; 16) ДПП кратности; 17) ДПП локативности; 18) ДПП темпоральности; ДП «*Признак*» – из 19) ДПП количественного признака; 20) ДПП качественного признака; 21) ДПП функционального признака; 22) ДПП оценки; 23) ДПП отсутствия признака. Выделение ДПП стилистической модификации нецелесообразно в силу содержательно иного характера передаваемой им информации.

Деривационно-семантические поля обладают структурными особенностями, характерными для любого поля: ядер-

но-периферийной структурой и активной пересекаемостью с другими полями. Ядро ДП и ДПП выделялось на семантической основе: к ядру относились те дериваты, категориально-грамматическая семантика которых соответствовала семантике поля. Ядром ДПП *лица* и предмета являются существительные, ДПП *действия* – глаголы, ДПП *признака* – прилагательные, ДПП *сирконстантной характеристики* – наречия. Остальные дериваты-неологизмы относились к периферийным явлениям. Следует отметить, что не во всех ДП неологизмы пополняли их ядерные части, что характерно для ДПП *лица* и *предмета*, подавляющее большинство неологизмов которых являются именами существительными. В остальных ДП неологизмы сосредоточены по их периферии. Вероятно, это обусловлено общеязыковыми закономерностями: способностью существительных называть любую сущность и абсолютным преобладанием субстантивов среди неологизмов.

В конце XX – начале XXI в. наиболее активно пополнялись неологизмами с глагольными корнями сферы *действия* и *предмета*: такие компоненты значения имеют бо-

лее 80% рассмотренных нами неологизмов (1446 единиц и 1324 единицы соответственно).

Достаточно активно образовывались и неологизмы, в СЗ которых есть сема *лица*: таких СЗ более 40%. Поля *сирконстантной* и *признаковой* характеристики предмета и *действия* пополнялись неологизмами менее значительно. Наиболее активно пополнялись подполя: *лица мужского пола* (*застройщик, соделец*), *объекта* (*сиреневод, дароносец*), *инструмента* (*дискотод, гидроход*), *собственно действия* (*посопереживать, перепрописаться*) и *способа его совершения* (*чистодел, тихострой*).

Неодинаковые темпы развития этих деривационно-семантических областей обусловлены экстралингвистическими факторами. Резкие изменения во всех областях жизни постсоветского общества породили потребность в их двойной номинации: в виде глаголов или прилагательных и в виде отвлеченного действия или признака. Лишь наличие последних позволяет без затруднений строить суждения об этих явлениях и тем самым – в ходе их анализа и обсуждения – проникать в их суть.

Словообразовательная игра: аспекты исследования (на материале языка СМИ нач. XXI в.).

С. В. Ильясова

Ростовский государственный университет

Словообразовательная игра, язык СМИ, прецедентные феномены, социальная оценка

Summary. The paper concentrates on the aspects of study of word-formative game. Research of word-formative game as a variety of language game acquires special significance in contemporary Russian language. The author gives examples of varieties of word-formative language game in modern mass media.

1. Словообразовательная игра (далее – СИ), издавна присутствовавшая в таких функциональных разновидностях, как разговорная и художественная речь, в конце XX в. становится одним из показателей демократизации, либерализации, наконец, «карнавализации» (В. Г. Костомаров) языка СМИ (прежде всего – газеты) и превращается в одну из значимых языковых особенностей газетно-публицистического стиля. В начале XXI в. полем для словообразовательных экспериментов становится новая российская реклама, которая формирует свой собственный арсенал выразительных средств.

Предлагаемые аспекты исследования СИ нашли отражение как в моей монографии «Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ» (2002), так и в ряде последующих публикаций.

2. Частеречная характеристика СИ в языке СМИ.

В СИ задействованы все основные части речи, хотя их роли, естественно, различны. Наиболее активными участниками игры (как и в языке в целом) являются имена существительные. Это могут быть существительные, называющие лиц по роду занятий, родственным связям и т. д., образованные как суффиксальным способом (*егзишник; гаремщик, любешник, татушник, похудейщик; виагранки и виагрушки; октябренька; бонденко, абдулята* и др.), так и безаффиксным – путем так называемого «обратного словообразования» (*бесприданник, лесбиян, свах*). Игровой характер этих слов вполне очевиден, хотя они всего лишь заполняют пустые клеточки внутри системы, реагируя таким образом на социальный заказ.

Не менее заметна роль отвлеченных существительных на -изм (*бушизм, кучмизм, вакциннизм, пианизм* и т. д.), на -изация (*путинизация, рыбкинизация, обманнизация* вместо *модернизация* и др.).

Роль имен прилагательных в СИ в целом, на первый взгляд, не столь заметна, но здесь прослеживаются некоторые тенденции, которые позволяют говорить о перерастании их в закономерности. Во-первых, это увеличение числа сложных прилагательных (которые в роли экспрессивного средства ранее были характерны для языка художественной литературы), напр.: *белодомовский, деньрожденческий, донкихотистый, ласковомайский* и др. Последним по времени примером такого словотворчества является следующий заголовок: *Двухвикторная рада* (Версия. 2006. № 10). Во-вторых, это образование синтетической сравнительной степе-

ни от относительных прилагательных и существительных (явление, которое претендует на статус общеязыкового, т. е. получает все более широкое распространение не только в языке СМИ, но и в языке художественной литературы, и в языке рекламы), ср.: *борзее* (от Борзаковский – олимпийский чемпион), *ведьмее, золотее, лидернее, шоколаднее* и др.

Отыменные глаголы, уступающие существительным в количественном отношении, ни в коей мере не уступают им в качественном, т. е. в самых неожиданных, причудливых формах соединяют в себе «имени и глагола силу» (М. В. Ломоносов), ср. (*газманить, перекудрить* – от Кудрин, *обЪЕГЭрить, перемайданить, заблокадить, приблизиться, пожюрить, закаббалить*) и др.

Следует также отметить и постепенно возрастающую роль наречий (особенно наречий на -о) как в *неологической картине языка* в целом (термин наш. – С. И.), так и в словообразовательной игре, ср.: *гламурно, мультишно, окейно, школьно* и др.

3. Способы и приемы СИ в языке СМИ.

Основой любой СИ является словотворчество – создание новых слов, инноваций, что и было продемонстрировано на примере разных частей речи. Вместе с тем игра становится игрой в подлинном смысле этого слова при использовании специальных игровых способов и приемов:

- контаминация: *бензнадега, матчематика, меладизчно, цзюнами* и т. д. и т. п. Более частотны в языке СМИ контаминации с графически выделенным сегментом – новый тип контаминаций, сформировавшийся именно в языке СМИ и использующийся в заголовках, ср.: *ЗаКРЫМа бывшей родины; ЗаКАННОдатели стилия; ЛЮБЭлей; НеВиЗучие; Полный ФИННиш; Русский РРемонт*.
- образование слов по конкретному образцу: *Банкотрясение, кремлетрясение, Предсказамус, путинг, тутоплянтянин, слухмейкер, Сталинленд* и др. Наибольшего эффекта названный прием достигает тогда, когда в минимальном контексте (напр., в заголовке) сталкивается образец и инновация, ср.: *«Копейка» станет «Юанькой»* (КП. 23.05.02). Об активизации данного приема в языке СМИ свидетельствуют следующие примеры: *Полный хрустец* (КП. 3.12.03); *Полный бензец* (Версия. 2003. № 38).
- псевдомотивация: (обычно с графическим выделением): *И все-таки это БАБки; Джордж еще поБУШует; ГУСа-*

ры Хиддинка; Не чрезвыЧАЙКА, а плановая рокировка и т. д. и т. п.;

- «фокус-покус прием»: Оскар-шмоскар; Тверская-Взрывская;
- повтор:
 - одноструктурных производных, напр.: юристы-кулинаристы;
 - корневой повтор, напр.: Страна оживилась от «Живительного».

4. Прецедентные феномены как база для словообразовательной игры.

Как само по себе использование прецедентных феноменов в языке газеты, так и их трансформация – приемы, достаточно традиционные и вследствие этого уже утратившие эффект неожиданности. Поиск новых средств выразительности приводит к усилению игрового начала, к так называемой «игре с игрой» (термин наш. – С. И.), ср.: МАВРоди

сделал свое дело; МЫСкина доброй надежды; Мы расКУРИЛИ трубку мира; ЦСКАзка с печальным концом; Кнутом и РЯником и др.

5. СИ как способ выражения социальной оценочности.

Языковая игра в целом (и словообразовательная в том числе) полифункциональна: к функциям ЯИ относят языковую творческую, развлекательную, маскировочную. Говорят о том, что диапазон ЯИ достаточно широк – от балагурства до острология. Все сказанное верно по отношению к исследованию ЯИ в художественной литературе и в разговорной речи, но, несомненно, нуждается в дополнении при исследовании ЯИ в политическом дискурсе, где на первый план выступает функция социальной оценки, реализуемая разнообразными приемами СИ, ср.: Беспределино; Бригаденши; Здравоохранение; Русская простиТурция; Я другой такой страны не знаю, где так ЛЬГОТНО дышит человек; Собака БАБскервилей лает, а караван идет и др.

Словообразовательный анализ в освещении Н. М. Шанского с позиций современной дериватологии

Э. П. Кадькалова, Ю. Г. Кадькалов

Саратовский государственный университет

Словообразовательный анализ, морфемный анализ, деривация

Summary. The author suggests his conception of the specific of derivational analysis and its perspectives in the context of modern derivatology.

1. Тема словообразовательного анализа (СА) была одной из ведущих в работах Н. М. Шанского 50–70-х гг. XX в. С наибольшей полнотой она представлена в [1].

Будучи последователем Г. О. Винокура в планировании основных «условий» и процедур членения слов на значимые части, Н. М. Шанский в целом вышел на новую модель анализа слова – словообразовательного анализа.

2. Содержание разработанной Н. М. Шанским модели СА в общем виде может быть сведено в 4 пункта: 1) объект СА, 2) конечная цель СА, 3) обязательные для его осуществления «условия» и процедуры, 4) отношения СА к другим типам анализа строения слова, границы и композиция СА (см. [1, 73–74]).

Объектом СА, по Н. М. Шанскому, является производное слово с точки зрения «существующей в данный момент его структуры», «тем самым и его синхронной этимологии».

Конечной целью СА является стремление познать «наличную систему словообразования во всех его проявлениях».

Обязательные для выполнения СА «условия» (опора на «объективные факты» языковой синхронии, учет «существования в языке омонимии слов и морфем и омонимии словообразовательной формы», учет «специфических особенностей структуры русских слов в целом») и процедуры (анализ слова «на фоне родственных и одноструктурных слов» и «в совокупности всех присущих ему грамматических форм», методом членения «по непосредственно составляющим» вплоть до выделения регулярной нечленимой корневой основы) в программе Н. М. Шанского в сравнении с программой Г. О. Винокура дополнены посылкой (без ее конкретизации) о целесообразности «операций... в широком языковом «контексте» (при необходимости даже иных эпох и систем)» на последнем этапе СА [1, 74].

3. О границах СА. Принципиальное отграничение в концепции Н. М. Шанского словообразовательного анализа от морфемного и этимологического анализов слова сомнений не вызывает, при том, что разграничивать «эти три вида анализа слова», по Н. М. Шанскому, – это отнюдь не значит отрывать их «один от другого» или противопоставлять «друг другу» [1, 30].

Неясность появляется при определении границ СА в связи с наложением терминов «словообразовательный анализ» и «определение структуры слова» [1, 73]. Это одно и то же? С одной стороны, «словообразовательный анализ выступает как промежуточное, но ключевое звено, объединяя морфемный анализ слова и изучение процессов деривации» (узкое понимание СА). С другой стороны, «членение слова на морфемы... является первой ступенью словообразовательного анализа, устанавливающего не только значимые части сло-

ва... но и... расстановку в нем «морфемных сил», а также его словообразовательное место среди других слов» (широкое понимание СА). Однако во всем объеме суждений Н. М. Шанского выясняется именно широкое понимание им СА – как имеющего трехчастную композицию: (1) определение значимых частей слова, то есть «морфемный анализ», являющийся «первой ступенью словообразовательного анализа»; (2) определение «действительной его (слова) структуры», то есть «внутренней расстановки в нем «морфемных сил», а также его словообразовательного места среди других слов»; (3) «изучение процессов деривации» и обобщение «полученных с его помощью данных» – заключительная ступень СА. С этих позиций правомерным представляется и тезис Н. М. Шанского о «центральном месте» СА «в ряду морфемный анализ – словообразовательный анализ – этимологический анализ» [1, 31].

4. Можно полагать, что при таком (широком) понимании границ СА входящий в него морфемный анализ – это не то же самое, что морфемный анализ слова как таковой, не имеющий, по словам Н. М. Шанского, «самостоятельного значения для изучения живой, функционирующей словообразовательной системы языка...» [1, 7]. Морфемный анализ как часть СА только условно может быть назван морфемным (фактически здесь омонимия терминов), так как он объективно направлен не на выделение значимых частей лексемы, а на поиск словообразовательно значимых ее частей (формантов): морфем (раз-влек-а-тель-н-ый), сочетаний морфем (у-влек-а-(тель-н)-ый), неморфемных строевых элементов (сок-о-меш-а-лк-а) и т. д.

5. По ходу развития дериватологии становится все более очевидной рентабельность и перспективность разработанной Н. М. Шанским модели СА, стимулирующей разграничение морфемики статической (лексемной) и морфемики динамической, функциональной (словообразовательной) и выход за пределы родственных и одноструктурных слов «в широкий языковой контекст» (в идеографические и концептуальные поля, омофинальные ряды в границах этих полей, словообразовательные категории и т. д.), способный обнаружить скрытые от непосредственного наблюдения законы словообразовательного моделирования. По-видимому, на этом пути могут быть преодолены многие традиционные дискуссии (например, о словообразовательной компетентности слов разных степеней членности и разных типов словообразовательной мотивированности) и открыты новые возможности проникновения в процессы «словообразования как деятельности» (Е. А. Земская).

Литература

1. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

Реализация метафорического потенциала языка в словосложении

С. Б. Козинец

Московский педагогический государственный университет

Мотивация, словообразовательная метафора, сложные слова

Summary. The article is devoted to one of the disputable issues of derivational semantics – the issue of indirect motivation relations between the derivative and the derivator. As the example we regard compound words. There are established several types of structure – semantic connections between derivators and composite derivatives.

1. Языковую метафору традиционно принято изучать в рамках лексикологии, а именно – лексической семантики. Механизмы метафоризации, структура метафорического значения, регулярность и системность метафорических наименований рассматриваются через призму внутрисловной деривации и различных лексико-семантических объединений (полей, групп и т. п.). Однако метафорический перенос может «возникнуть» и в словообразовательном акте, «когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [1, 483]. Такую метафору принято называть словообразовательной (другой термин – **производные с метафорической мотивацией** [2]): *подножие, преддверие, перешеек, змеевик, мешковатый, афишировать, вуалировать, искоренить, ишиачить* и под.

2. Особое место среди словообразовательных метафор занимают сложные слова, чья словообразовательная структура – поликорневая – содержит отсылку минимум к двум производящим, отражающим взаимосвязь различных понятий. Соединение в одном слове двух структурно выраженных понятий (а не оставшихся только в толковании лексического значения) позволяет передавать метафорический образ более ярко, наглядно.

Метафорически переосмыслиться могут как оба компонента сложного слова – *белоручка, небокопнитель, кровопийца, верхогляд, дальновидный, молниеносный, сногшибательный*, так и один из них: *книгоед* (читает много книг), *стихоплет* (пишущий стихи), *волнолом* (ограждение от действия волн), *душегрейка* (греет тело). В некоторых случаях один из компонентов получает метафорическую интерпретацию, а второй является результатом метонимического переосмысления: *тупоголовый* «умственно ограниченный, плохо соображающий» (*голова* – орган интеллектуальной деятельности); *рифмоплет* «плохой сочинитель стихов» (*рифма* в значении «стихи»); *словоизвержение*, (*слово* в значении «речь»), *остроглазый* «хорошо видящий, зоркий» (*глаз* – орган зрения), *тугоухий* «плохо слышащий, глуховатый» (*ухо* – орган слуха).

3. Словообразовательная метафора – явление весьма разнородное по своему «происхождению». Во многих случаях компоненты производного слова получили метафорическое переосмысление в самом деривационном акте: *мироед, книгоед, оторвиголова, рогоносец, прямодушие, дальновидный, остроглазый* и др., некоторые являются результатом стяжения фразеологических оборотов: *умопомрачительный* (от *помрачение ума*), *головоломка* (от *ломать голову*), *очковитительство* (от *втирать очки*), *шапкозакидательский* (от *закидать шапками*), *зубоскал* (от *зубы скалить*). Многие словообразовательные метафоры исторически восходят к метафорам лексическим, т. е. их переносное значение исконно – результат внутрисловной деривации: *быстротечный* «текущий, льющийся быстро», *легковесный* «имеющий малый или недостаточный вес», *молниеносный* «несущий, содержащий в себе молнию», *молокосос* «питающийся материнским молоком» [3]; *искрометный* «мечущий искры, искрающийся», *полноценный* «сохраняющий нормальную ценность (о деньгах)», *двужильный* «состоящий из двух жил», *животрепецующий* «движущийся, колеблющийся, живой» [4].

В настоящее время эти значения считаются устаревшими или мыслятся как окказиональные (*молокосос*). В новых толковых словарях они вообще не фиксируются. И, наконец, некоторые производные с метафорической мотивацией являются результатом словообразовательного калькирования: *небоскреб* (из англ. *skyscraper*), *буквальный* (из фр. *litteral*), *змеевик* (из фр. *serpentin*), *громоотвод* (из нем. *Blitzableiter*).

4. При всем разнообразии композитов обращает на себя внимание тот факт, что почти все они служат для оценочной характеристики лица (прямой или опосредованной) – его действий, поступков, особенностей поведения, черт характера, способностей, при этом оценка чаще всего негативная или ироничная: *небокопнитель* «человек, который ведет праздную, бесцельную жизнь», *мироед* «тот, кто живет чужим трудом», *крючкотвор* «человек, занимающийся канцелярской волокитой», *буквоед* «формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам в ущерб смыслу», *остроумие* «изошренность мысли, изобретательность в нахождении ярких, острых или смешных выражений, определений», *туполобие* «умственная ограниченность, тупость», *жестокосердный* «бессердечный, безжалостный», *двоедушный* «лицемерный, двуличный», *легкомысленный* «поступающий без достаточного размышления», *сладокоричивый* «умеющий говорить красиво, увлекательно» и др.

5. Существительные, обозначающие лицо, характеризуются ярко выраженной (в большинстве случаев) разговорной окраской и обнаруживают тенденцию к уходу в пассивный запас, что отражается соответствующими словарными пометами. Отвлеченные существительные, дающие опосредованную характеристику лицу, и прилагательные тяготеют к книжной лексике: *низкопоклонство, косноязычие, простосердечие, прямодушие, сладокоречие, скотоподобие, слабодушие, словоизвержение, чистосердечие; полноценный, дальновидный, всепоглощающий, всепожирающий, животрепецующий, хитросплетенный* и под. Однако и среди них выделяется группа слов, имеющих сниженную стилистическую окраску: *бумагомарание* (разг.), *верхоглядство* (разг.), *головомойка* (разг.), *живодерство* (прост.); *остроглазый* (разг.), *сердцеципательный* (разг.), *сногшибательный* (разг.), *умопомрачительный* (разг.).

Не будучи метафорами с точки зрения лексической семантики (так как они имеют только одно значение, которое, следовательно, является прямым), сложные слова с метафорической мотивацией тем не менее четко вписываются в общую метафорическую систему языка, реализуя образные значения не в определенном лексическом окружении, а в строго закреплённой словообразовательной структуре.

Литература

1. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
2. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975.
3. Словарь русского языка XVIII в. Л. / СПб., 1984–2003. Вып. 1–20.
4. Словарь современного русского литературного языка Т. 1–17. М.; Л., 1950–1964.

Языковая мотивация и ее разновидности

Е. Н. Котлярова

Алексеевский филиал Белгородского государственного университета

Мотивация, мотивировочный процесс, мотивировочный признак, типология

Summary. A multiaspected relatively full motivation typology is presented in the work on the question. The types of motivation are based on fourteen signs, which are placed in the way corresponding to the process of motivation.

Слово находится в лексическом пространстве мотиваций, так как на формирование семантики мотивирован-

ного слова оказывают влияние многие и глубинные, и лежащие на поверхности связи и процессы, которые толь-

ко в совокупности формируют семантическую структуру слова.

Мотивация – это многогранное явление, пронизывающее различные стороны языковой системы. Этим обусловлена проблема выделения разных типов мотивации, которая находится в поле зрения лингвистов уже несколько десятилетий. Не ставя перед собой задачи создания общей типологии мотивации, языковеды обычно выделяют отдельные виды мотивированности, учитывая один или несколько аспектов этого явления.

Мы, обобщив и разлив наблюдения ряда дериватологов (О. И. Блиновой, Е. А. Земской, Т. Р. Кияк, Л. М. Медведевой, И. С. Улуканова, И. А. Ширшова и других), и выделив новые аспекты, построили развернутую относительно полную типологию мотиваций с учетом двусторонности семантических мотивировочных истоков: межсловного (словообразовательного) и внутрисловного эпидигматического (развивающего многозначность). В этой типологии мы попытались представить многообразие мотивационных потоков, оказывающих влияние на формирование значения слова.

В основу выделения типов мотивации были положены четырнадцать признаков, которые располагаются в последовательности, соответствующей мотивировочному процессу.

1) По сфере источников мотивации – *мотивации в пределах деривационной пары, мотивации в пределах словообразовательного гнезда, мотивации в пределах лексико-семантической парадигмы и мотивации в пределах лексического пространства*. Собственно к учению об образовании слов относятся только первые две разновидности, две последние рассматриваются в лексической семантике в связи с учением о системных отношениях в лексике.

2) По количеству мотивирующих – *единственная и множественная мотивации*. Характеризуя этот аспект, А. Н. Тихонов говорит о множественности мотиваций, О. И. Блинова выделяет мономотивацию и полимотивацию, Л. М. Медведева – единственную и неединственную.

3) По роли мотивационных потоков в процессе формирования значения мотиванта – *основные и дополнительные потоки*. В свою очередь *основные* подразделяются на *доминирующие* (мотивационные отношения внутри словообразовательного гнезда) и *сопутствующие* (влияние лексической парадигмы, членом которой становится новая семема, и влияние синтагматических отношений, в которые она вступает). *Дополнительные* мотивационные потоки подразделяются на *явные* (влияние на формирование семантики деривата словообразовательной модели, обеспечивающей семантическую общность одноструктурных лексических единиц) и *скрытые* (исходят из неярких или потенциальных сем мотиватора и форманта).

4) По составу единиц мотивировочной базы – *звукоподражательная* (образование нового слова на базе звуков), *лексическая* (на базе лексических и фразеологических единиц), *конструктивная* (на базе синтаксических конструкций).

5) По расположению в мотивационной цепочке – *непосредственная* (мотивация идет от производящего) и *опосред-*

ованная (мотивация корневым или другим родственным словом, не соседствующим с производным в словообразовательном ряду).

6) По характеру мотивировочного признака, легшего в основу номинации – *реальная* (номинация опирается на реальный признак денотата), *нереальная* (у производного легко обнаружить структурное производящее, но затруднительно определить мотиватор, так внутренняя форма нового слова затемнена), *формальная* (ясно, от какого слова (или слов) образовано данное слово, но неясно, почему).

7) По способу выражения мотивировочного признака – *внешняя* (значение слова мотивируется внеязыковой действительностью) и *внутренняя* (мотивированность слова обусловлена языковыми фактами). О. И. Блинова называет эти типы мотивации абсолютной и относительной, И. С. Торощев – внутрисловной, характерной для звукоподражания, и внешней (гнездовой).

8) По манифестации «внутренней формы» – *поддерживающие «внутреннюю форму»* (в деривационном процессе формируется дериват, «внутренняя форма» которого сигнализирует о семантической связи с производящим) и *способствующие угасанию «внутренней формы»* (легко обнаруживается производящее по наличию общих структурных компонентов, но сложно объяснить, почему оно является таковым по отношению к данному деривату).

9) По степени вхождения значения мотивирующего в значение мотивированного – *полная мотивация* и *частичная*.

10) По характеру семных процессов – выделяются мотивационные отношения, при которых происходит *усложнение семного состава, утрата сем и перегруппировка сем*.

11) По результату мотивационного процесса – *словообразовательная (или межсловная) и семемообразовательная (или внутрисловная) мотивации*.

12) По типу лексического значения деривата – *прямая* (производная усваивает прямое значение производящего или развивает свое собственное прямое значение (только неосновное) и *переносная* (характеризуется приобретением дериватом переносного значения или его образованием).

13) По отношению к системе языка – *парадигматическая* – влияние на семантику слова его семантических связей «по вертикали», то есть в словообразовательных оппозициях и парадигмах слов) и *синтагматическая* (мотивация в линейном ряду, то есть в словообразовательной цепочке (опосредованная) или в словообразовательной паре слов (непосредственная).

14) По стилистической маркированности – *нейтральная (номинативная)* (дериват мотивируется не только прямым значением производящего, но и наследует от него нейтральную окраску), *оценочная* (результатом мотивации оказывается дериват с оценочным значением как положительным, так и отрицательным), *функционально-стилистическая* (дериват получает валентностные ограничения, очерченные функционально-стилистическими рамками), *экспрессивная* (результатом мотивации становится дериват с экспрессивным значением).

К вопросу о потенциале неглагольных языковых единиц при номинации действия: имена существительные и междометия

Д. Г. Миронов

Таллинский университет (Эстония)

Морфология, трансформация грамматических категорий, девербативы

Summary. The report is devoted to the problem of the semantic components of verbal nouns and interjections inherited from the grammatical categories of verbs with underlying stem. Methods of text analysis have been applied in the research.

Русистике последних десятилетий широко известен подход, согласно которому девербативы как функционально, так и семантически сближаются с глаголами. Исследователи отмечают, что им свойственна способность передачи характера протекания действия. Причиной этого является тот факт, что мотивированные глаголом производные сохраняют в своей семантической структуре информацию о грамматических характеристиках производящего слова, которая с наибольшей полнотой проявляются в контексте. Подобно самому глаголу, они участвуют в передаче видовых, залоговых и иных оттенков значений.

В качестве примера для анализа нами был выбран следующий отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Жених»:

Вдруг слышу крик (1) и конский топ (2)...

Подъехали к крылечку.

Я поскорее дверь хлоп (3)

И спряталась за печку.

Данный текст интересен тем, что лишь 50% действий, о которых здесь сообщается, названо глаголами, остальные же представлены формами иных частей речи. Осуществим его разбор, последовательно останавливаясь на каждой из неглагольных единиц, которые при этом связаны с номинацией действия.

Итак, подобных единиц здесь насчитывается три – *крик*, *топ* и *хлоп*. Интересно отметить, что выделенные лексемы образованы одним и тем же способом (нулевая аффиксация

с усечением глагольной основы), что, в принципе, должно давать нам возможность отнести их к одному классу производных. Однако, с точки зрения традиционной классификации частей речи, лексемы *крик* и *топ* будут относиться к собственно отглагольным существительным, а слово *хлоп* – к звукоподражаниям. Подобное различие в данном случае может быть объяснено синтаксической функцией этих лексем – две первые из них занимают позицию прямого дополнения при глаголе *слышать*, третья же выступает в функции сказуемого второго предложения, заменяя собственно глагол. (Отметим, что замена первой конструкции на безглагольную – *Вдруг чей-то крик и коней топ*, не переводит рассматриваемые слова в какой-либо иной класс, поскольку существуют и другие факторы, влияющие на подобное распределение. Так, например, первое предложение является полиперсональным, тогда как конструкция с междометием моноперсональна, причем, скорее всего, полиперсональность будет при звукоподражании вообще невозможна – сказывается связь предиката с конкретным субъектом.) Оставляя в стороне вопрос о правомерности подобного распределения, попробуем рассмотреть каждую из них с функциональной точки зрения, а именно с позиции сообщения о ситуации действия в семантической структуре высказывания, в которой на первый план выходит видовременная перспектива текста.

1. Включенность отглагольных лексем во временной план повествования

Отрывок стихотворения является фрагментом сна, который видела героиня и который она сама же впоследствии рассказывает. Таким образом, перед нами план прошедшего времени по отношению к общей временной оси повествования (сначала героиня увидела сон и лишь потом о нем говорит). Что же касается времени относительного, то последовательность сообщаемых действий представлена разными способами: в первом предложении это форма настоящего исторического глагола (*слышу*), следующие за ней отглагольные существительные (*крик*, *топ*) сообщают об одновременных действиях (героиня слышит, как на дворе кричат и топчут кони в тот момент, когда это происходит). Во втором предложении находим глагольную форму собственно прошедшего времени (подъехали). О следующем действии (уже в третьем предложении) сообщается при помощи отглагольного междометия *хлоп*, соответствующего форме прошедшего времени в его аористивном значении – точно таком же, каким обладает и глагольная лексема, называющая последнее в данном отрывке действие (*спряталась*). Итак, как глаголы, так и их производные участвуют в формировании единого временного плана высказывания.

2. Видовые характеристики рассматриваемых отглагольных лексем

(1) Существительное *крик* может быть образовано путем нулевой аффиксации, сопровождающейся усечением основы, как от глагола *крикнуть*, так и *кричать*, причем в одном случае налицо будет одноактность и соответствие значению СВ (*Вдруг раздался резкий крик*, ср. *Кто-то резко крикнул*), а в другом прямо противоположное – длительность и НСВ (*Зачем плакать? Это всего лишь небольшая рана, а крику-то...*, ср. *...а кричала-то...*).

(2) Существительное *топ*, как и предыдущее, может быть мотивировано двумя глаголами – *топать* и *топнуть*, в первом случае девербатив будет соотнесен с лексемой НСВ, во втором случае – СВ. Включенность обеих лексем (*крик* и *топ*) в единый план повествования позволяет предположить, что в обоих случаях контекстуально обусловленным будет значение несовершенного вида, так как значение соответствующих глаголов совершенного вида указывает на одноактность действия (подтверждением тому является суффикс *-ну-*, входящий в их морфемную структуру), а это противоречило бы сущности описываемых действий (так, невозможно предположить, что кони топнули лишь один раз, а из дальнейшего повествования становится ясно, что приехавших было несколько, т. е. существительное *крик* в данном контексте близко по значению словоформе *голоса*, множественное число которой, как мы уже указывали, и подчеркивает длительность действия).

(3) Иной оказывается видовая соотнесенность отглагольного междометия *хлоп*. Здесь также можно предположить возможную мотивированность двумя глагольными основами – формой НСВ *хлопать* и формой СВ *хлопнуть*. Контекст указывает на однократность действия (ср.: *Я поскорее дверью хлопнула*), значит, отглагольная лексема является носителем значения совершенного вида. Отметим, что именно форму прошедшего времени совершенного вида содержит толкование данной лексемы в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: '1. Хлопнул'; '2. Хлопнулся'. Интересно, что соотнесенность с планом прошедшего времени и одноактными глаголами совершенного вида характерна для многих отглагольных междометий.

Итак, на примере конкретного текста нами показано, как отглагольные существительные и междометия участвуют в организации единого видовременного плана текста. Для существительных это является еще одним примером успешной передачи типично глагольных характеристик, а для междометий – весомым аргументом в пользу их способности функционировать на равных с прочими девербативами.

Суффиксальные существительные со значением лица в системе русского словообразования II половины XX века

Й. Митурска-Бояновска

Институт славянской филологии Щецинского университета (Польша)

Суффиксация, существительные, наименования лиц

Summary. Suffixal nouns (nomina personae) in word-forming system of Russian of the 2nd half of the 20th century. A quite large group among suffixal nouns are personal names (nomina personae), are most often derived using suffixes *-ист*, *-щик*, *-ик*. A lot of formants are polyfunctional. There is a phenomenon of word-formation synonymy and homonymy in the group of nominal formations we are interested in.

Динамические процессы, происходящие в жизни россиян последней половины XX века стимулировали рождение новых слов в русском языке. Ядром словаря являются имена существительные, так как человек нуждается, прежде всего, в названии окружающих его предметов, новых явлений, в меньшей степени, в названии признаков, действий и т. п. Согласно наблюдениям Н. З. Котеловой, производные слова составляют свыше 90% всех слов современного русского литературного языка [1, 7]. Со словообразовательной точки зрения, имена существительные считаются самой богатой частью речи. Кроме способов словообразования, общих и для других частей речи, функционируют способы, специфические лишь для субстантивов (напр. аббревиация, телескопическое словообразование, нулевая суффиксация). Среди аффиксальных существительных, на первый план выдвигаются суффиксальные дериваты. Значительная доля – это субстантивы со значением лица, среди которых преобладают дериваты с суффиксами: *-ист*, *-щик*, *-ик*. Многие суффиксы ха-

рактеризуются полифункциональностью, напр.: *-щик* (*дозаправщик* 'устройство', *монополизатор* 'лицо'), *-тель* (*запускатель* 'устройство', *разрешатель* 'лицо'), *-атор* (*нейтрализатор* 'устройство', *евангелизатор* 'лицо'). Как показывает словарный материал, в сфере имен существительных со значением лица функционирует явление словообразовательной синонимии (*ядерник*, *ядерщик*; *скейтбордист*, *скейтер*, *скейтист*) и омонимии (*дискотечник I* 'тот, кто организует дискотеки', *дискотечник II* 'тот, кто участвует в дискотеках'). Суффиксы присоединяются как к простым (*лысый* → *лыска*, *биологизировать* → *биологизатор*, *ломка* → *ломщик*), так и к сложным основам (*левобережье* → *левобережец*, *стройбат* → *стройбатовец*, *однодневный* → *однодневщик*, *АиФ* → *аифовец*).

Литература

1. Новое в русской лексике. Словарные материалы-84 / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1989.

Онимическое словообразование и его место в словообразовательной системе русского языка

Р. Ю. Намитокова, Н. Б. Гарбовская

Адыгейский государственный университет, Майкоп
innef@mail.ru

Онимы и отонимы, окказиональное словообразование, номинация

Summary. The so-called onomas and their derivatives are an indispensable part of word-building and must be taken into account in word-formation theory of the language.

Среди вопросов, постоянно стоящих в центре внимания исследователей – ономастов – о специфике имен собственных (ИС), о взаимосвязи имен нарицательных (ИН) и ИС, о трансформации ИС, о типах и функциях ИС, о способах номинации и мотивации ИС, – вопрос об онимическом словообразовании находится в незаслуженной тени.

Почти нет специальных монографических работ, посвященных этой проблеме (нельзя, однако, не отметить статью В. П. Даниленко [1964] и диссертацию С. В. Акуловой [1990]), хотя онимический материал во второй половине XX века постоянно привлекается как иллюстративный во многих статьях и исследованиях по словообразованию при анализе проблем неологии и неографии, индивидуального словотворчества, – окказиональной лексики в аспекте речевой деятельности, вопросов языковой номинации, языковой игры в художественных и масс-медийных текстах.

Но в целом русская словообразовательная академическая теория до сих пор опирается на обобщение и систематизацию фактов апеллятивного словообразования. Лишь в последние 20–30 лет на ее развитие стали оказывать бесспорное влияние результаты анализа нового материала, новых лингвистических объектов, на современном этапе вызванных задачами коммуникативной и когнитивной лингвистики.

Функциональный подход к языку, т. е. разграничение в первую очередь языковых и речевых единиц, привел исследователей к выделению окказионального словообразования и выявлению его специфики на фоне всей словообразовательной системы национального языка.

Успешное развитие ономастики, введение ономастического материала в научный оборот и всестороннее его изучение привели к необходимости различения узуальной и окказиональной ономастики, а внимание к словообразовательному аспекту ономастических исследований – к разграничению синхронного онимического и отонимического словообразования. Комплексное рассмотрение онимических и отонимических новообразований в структуре русской лексической и словообразовательной системы в силу этого представляется актуальным.

С позиций деривационного подхода аспект разграничения естественного и искусственного, стихийного и сознательного в имятворческом процессе получил монографическое отражение в работе М. В. Голомидовой «Искусственная номинация в русской ономастике» (1998). Автор считает, что «искусственная номинация – преднамеренное словотворчество,

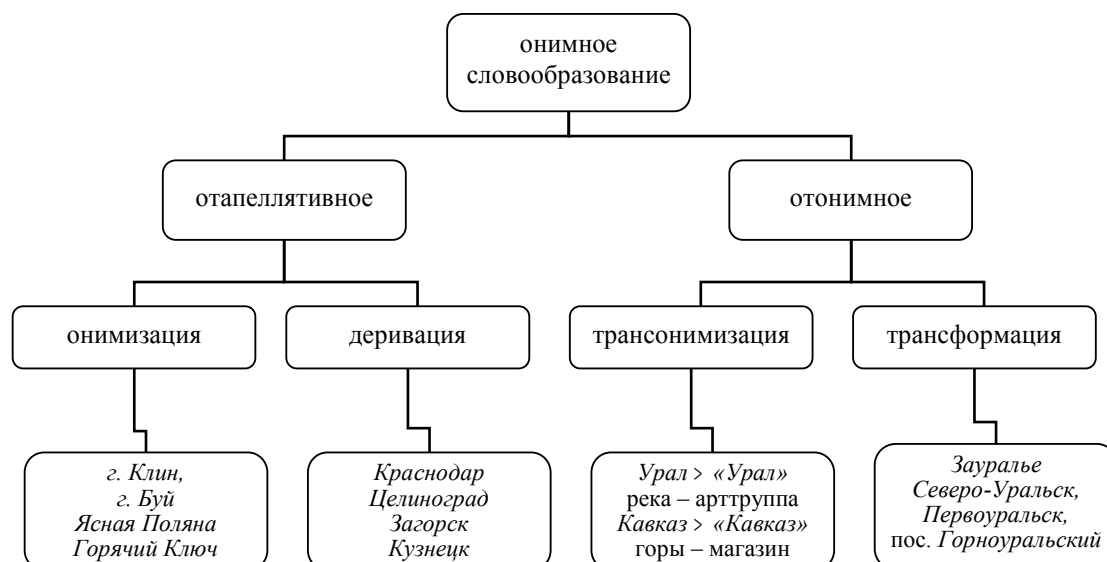
направленное на пополнение лексического языкового фонда». По нашему мнению, с указанным определением, безусловно, можно согласиться, однако его последняя часть – «направленное на пополнение лексического языкового фонда» – оставляет некоторый простор для дискуссии, поскольку словотворчество в области художественной литературы, признающейся автором «приоритетной зоной влияния», таких целей «пополнения лексического языкового фонда» не имеет.

Специфика окказиональной лексики, являющейся с точки зрения автора справедливо результатом искусственной номинации, после работы Н. И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография» (1957) общепризнанна. Это слова, «не претендующие на вхождение в язык», это факты речи – так называемые речевые новообразования (Е. А. Земская, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Н. З. Котелова, Р. Ю. Намитокова, Л. И. Плотнокова).

Таким образом, признавая факт искусственной номинации в языковой деятельности «связанным с творческим началом языковой личности, включенной в конкретный исторический и социальный континуум, приобщенной к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно заданное с субъективно значимым» [Голомидова 1998, 5], следует учесть, что эта номинация может быть и направлена на пополнение лексического языкового фонда (при создании научной терминологии и номенклатуры, производства имен как собственных, так и нарицательных), и не иметь таковой цели, если служит художественно-стилистическим средством в тексте или способом для «сиюминутного практического общения» в устной речи. Иными словами, с позиций ономастики необходимо разграничивать естественную и искусственную номинацию, и узуальную и окказиональную деривацию с позиций функционирования этих номинаций в языке.

Вопрос о способах номинации и средствах образования ИС с позиций онтогенеза включает *отапеллятивное образование онимов* (1) и *внутрионимное образование* (2): первое в свою очередь проявляется в результате а) онимизации нарицательных существительных и б) субстантивной онимизации прилагательных. Второе проявляется в а) трансонимизации ИС и б) трансформации ИС, происходящей с помощью морфемной деривации.

Схематически это можно представить следующим образом:

Несомненно, вопросы деривации онимов, построения СГнезд с вершиной – онимом, выявление конкретных и типовых словообразовательных парадигм, создание словообразовательного словаря фамильных гнезд позволят выявить

словообразовательный потенциал русской онимии, будут способствовать построению ономастической дериватологии в целом, включению ее в общую теорию словообразования русского языка как составной части данного языкового уровня.

Русскоязычный дискурс В. Набокова: особенности словотворчества

М. Р. Напцок

Кубанский государственный университет, Краснодар

Дискурс, словотворчество, способы словообразования, окказионализмы, фонематические изменения

Summary. This report is devoted to the analysis of word creation in the Russian discourse of the Russian-American writer V. Nabokov. Among variously submitted occasional ways of word-formation the following are considered: contamination, word superposition, substitution, desuffixation, deprefixation, metanalysis, holophrasis, liberation of the affix, word superposition + suffixation, prefixation + substantivization, composition + concretion, concretion + suffixation. In addition the typical for Nabokov phonemic transformations of words are analyzed.

Творчество В. Набокова как классика русской и американской литературы представляет собой художественный феномен русского зарубежья, в котором соединились различные лингвокультурные потоки, образовавшие особый, неповторимый многоязычный синтетический стиль.

Как и все эмигранты, В. Набоков был оторван от российской среды и испытывал недостаток в ресурсах русской речи. Писателю пришлось создавать свой нестандартный, оригинальный язык, раскрывая при этом многообразные потенциальные возможности русского языка и в то же время ориентируясь на его исконную классическую форму, нашедшую отражение в словаре Даля.

Необходимой принадлежностью набоковского дискурса являются словесная игра и разнообразные языковые эффекты, создание которых преимущественно связано со словотворчеством, реализуемым посредством многочисленных окказиональных способов словообразования.

Среди способов, применяемых В. Набоковым в словотворчестве, представлены:

1) контаминация: *Любимый напиток мой, джиданас – смесь джина и ананасного сока* [«Лолита»]; *фрески Врублева* [«Дар»];

джиданас ← джин + (ан)анас;
Врублев ← Вруб(ель) + Рублев;

2) междусловное наложение: *...я спросил у мистера Ваткина, совершенно ли он уверен, что моя жена не телефоновала: и как насчет койки? Койкин ответил, что нет, не звонила (покойница, разумеется, звонить не могла), и что если мы останемся, покойку поставят завтра* [«Лолита»]; *Дорианна Каренина* [«Камера обскура»];

покойка ← покой + койка;
Дорианна ← Дориан + Анна;

3) субституция: *Дитрих фон Зегелькранц* [«Камера обскура»]; *Мне даже удалось выработать теорию, объясняющую подложный вызов из «Бурдолея»* [«Лолита»];

Зегелькранц ← Segel /зегель/ + (Розен)кранц (Segel – нем. парус, Rosen – нем. роза, Rosenkranz – веночек из роз);
Бурдолей ← бурд(а) + -о- + (Бердс)лей (ср. уз. володей);

4) десуффиксация: *слово «мистик» она /Лидя/ принимала всегда за уменьшительное, допуская таким образом существование каких-то настоящих, больших «мистов», в черных тогах, что ли, со звездными лицами* [«Отчаяние»]; *Иначе мы, посвещенные, мы, одинокие мореходы, мы, нимфолепты, давно бы сошли с ума* [«Лолита»];

мист ← мист(ик) (т' → т);
(нимф(а) + -о- + -лепс(ия)) (с' → т) → нимфолепт (ср. уз. эпилепсия, эпилептик);

5) депрефиксация: *Она /Марта/ поняла, что ее спасение – в простоте строгости, обычайности...* [«Король, дама, валет»]; *слепительные жерла юпитеров* [«Машенька»];

обычайность ← (не)обычайность;
слепительный ← (о)слепительный.

6) деглотинация (переразложение): *Я ничего не помню из этих песенок, кроме часто повторяющегося слова «экстаз», которое уже тогда для меня звучало как старая посуда: «Экс-таз»* [«Дар»]; *...ее дядя, мистер Густа, заехал за ней со щенком кокер-спаньёлем, и приветом для всех, на черном Каиди Яке...* [«Лолита»];

Каиди Як ← кадиллак (Ø → и, а → я);

7) окказиональное сращение, или голофразис: *...ты обмирала, слушая пластинки первейшего специалиста по вздрогу-и-всхлипу, боготворимого твоими соотроковицами...* [«Лолита»]; *И вот уж он /Фердинанд/ шел к нам навстречу... сося невозмутимо (а все же с оттенком смотрите-какое-сосу-смейное) длинный леденец лунного блеска, специальность Фиальты* [«Весна в Фиальте»];

8) высвобождение аффикса: *...карабкаясь /по скалам/, я твержу, как некое... заклинание, простое английское слово «чайльд» (детство); знакомый звук постепенно становится новым, странным, и вконец завораживается, когда другие «худ»'ы к нему присоединяются в моем... мозгу – «Робин Худ» и «Литль Ред Райдинг Худ» (Красная Шапочка) и бурый куколь («худ») горбуны-феи* [«Другие берега»];

9) междусловное наложение + суффиксация:

Гумбертольди ← Гумберт + Бертольд + -и;

10) префиксация + субстантивация: *доктор Нелюблю* [«Лолита»];

11) сложение + сращение: *Я вспомнил вдруг так живо... эту квартиру в новом доме, выдержанную в современном коробочно-обжулю-пространство-бесфинтифлюшечном стиле...* [«Отчаяние»];

коробочн(ый) + -о- + (обжулю пространство) + (бес-финтифлюш(ка) + -ечн(ый)) → коробочно-обжулю-пространство-бесфинтифлюшечный;

12) сращение + суффиксация + сложение: *нечто жоржсандово-царственное* [«Дар»];

жоржсандово-царственный ← (Жорж Санд) + -ов(ый) + -о- + царственный.

Кроме отмеченных окказиональных способов словообразования, В. Набоков часто использует фонематические изменения в составе мотивирующего слова, среди которых можно выделить следующие разновидности:

1) изменение порядка фонем на обратный: *Мисс Зелва и Мисс Дутен* [«Лолита»];

2) анаграмма:

Вивиан Дамор-Блок ← Владимир Набоков [«Лолита»];

3) замена фонем (преимущественно срединных): *Гомберг, Гамбург, Гомбург, Гумбург, Доротея Гумбард* (от Гумберт) [«Лолита»];

4) добавление фонем к основе: *Ай-да-вор!* (от имени Айвор); *Да-с, господа-с, супружество Джо и Дженни возбуждает джуджанье* [«Лолита»];

5) замена фонем + добавление фонем:

Гомельбург ← Гумберт; (Морис) Шметтерлинг ← Метерлинк [«Лолита»];

6) неморфемное усечение + добавление фонем, т. е. замена фонем:

Квайн ← Швайн [«Лолита»]; Геликсы ← Феликсы [«Отчаяние»];

7) замена фонем + суффиксация:

Кларий (Новус) ← Клэр(э → а, р → р') + -ий [«Лолита»].

Таким образом, окказиональные способы словообразования, используемые В. Набоковым, характеризуются исключительным разнообразием, что связано со стремлением писателя создать необычный, виртуозный стиль, отличающийся синтетичностью и мультиязычной насыщенностью. Уникальность набоковского дискурса достигается с помощью словесной игры, языковых эффектов, а также словотворчества, выступающего в виде яркого экспрессивного приема.

Когнитивное пространство отонимных словообразовательных гнезд

И. А. Нефляшева

Адыгейский государственный университет, Майкоп

Окказионализм, оним, словообразовательное гнездо, когнитивное пространство

Summary. The report is devoted to problems of the Russian word-formation theory. Cognitive potential of proper names is realized in the modern derivation.

Антропоцентризм языка, его направленность на отражение мира человека и человека в мире является отправной точкой для большинства современных лингвистических исследований, в том числе в русле когнитивистики.

Структурирование картины мира средствами словообразования наиболее наглядно представлено в словообразовательном гнезде (СГ). СГ как одна из комплексных единиц, отражающих в концентрированном виде систему словообразования, представляет исследовательский интерес еще и в силу своего прогностического характера – типичная словообразовательная парадигма имеет тенденцию «наполняться» конкретными производными, и особенно в сфере окказиональной деривации, являющейся предметом нашего

S

1. Наименование признака S: *-ск-*
2. Наименование временного признака S: *до-, после-, пост-*
3. Наименование признака, противоположного признаку S: *анти-*
4. Наименование признака следования, соответствия признаку S: *про-*
5. Наименование признака с соединительным значением признака S и признака другого S
6. Наименование лица по отношению к убеждениям S: *-ец, -ист, -ята, -оид*
7. Наименование лица по отношению противоположности убеждениям S: *анти-*
8. Наименование общественного, политического течения, связанного с S: *-изм, -щина*
9. Наименование процесса распространения влияния S: *-ация*
10. Наименование отвлеченного признака, свойственного S: *-ость, -ство*
11. Наименование денежной единицы, связанной с S: *-ка*
12. Наименование болезненного увлечения, пристрастия, связанного с S: *-мания, фобия*

1. Звиадистский, зорькинский, илюмжиновский, «политковский», рыжковский, теняковский, тизяковский, хасбулатовский, черномырдинский, путинский.

2. Догайдаровский, послебасаевский, последудаевский, постгорбачевский, постельцинский, постельцинский, постлебедевский, пост-садамовский, постхрущевский, постназдратенковский, послемасхадовский, позднебрежневский.

3. Антиайтматовский, антигайдаровский, антигорбачевский, антиельцинский, антизюгановский, антимуталибовский, антиниязовский, антисобчаковский, антикасыяновский, антихлопонинский, антипутинский.

4. Пробасаевский, прогамсахурдиевский, прогамсахурдистский, «прожириновский», прозвядовский, прозюгановский, прочерномырдинский, проюшенковский, пропутинский, пролужковский.

5. Брежневско-суловский, горбачевско-чебриковский, ельцинско-назарбаевский, ельцинско-полторанинский, ельцинско-хасбулатовский, павловско-рыжковский, сахаровско-адамовичский, яковлевско-горбачевский, волошинско-касыяновский.

6. Бабуринцы, «борисовцы», бурбулисты, гагановец, горбачевец, ельцинист, ельциноид, жириновцы, звиадисты, крючковцы, лебедевцы, мавродийцы, наполеонята, «невзоровки», «поповичи», сталинчик, сталинята, травкинцы, «филатовцы», «чубайсята», «явлинцы», черномырдинцы, чубайсовцы, кучманята, путинец, кадыровцы, лимоновцы.

7. Антидудаевцы, антиельцинисты, антипутинец.

8. Брежневизм, гайдаризм, горбачевизм, горбачевщина, ельцинизм, звиадизм, зюганизм, марксизм-гусманизм, рупкизм, немцовизм, кучмизм, путинизм, явлинщина, «ходорковщина», жириновщина, зурабовщина, антиноздратенковщина.

рассмотрения. Кроме того, окказионализмы, созданные с нарушением словообразовательного типа, намного расширяют границы СГ, а значит и его когнитивное пространство.

С указанных позиций представляется актуальным изучение пласта новой социальной лексики, связанной с определенными политическими лидерами, экономическими деятелями, который, с одной стороны, именуется процессы, происходящие в обществе, а с другой стороны является отражением его персонафицированного восприятия.

На основании анализа структуры и семантики указанных производных возможно построение модели словообразовательного гнезда с вершиной – фамилией или именем политического деятеля (S).

9. Бурбулизация, гайдаризация, мавродизация, сидоризация, церетелизация.

10. Сталинизм, антижириновство, вернопутинство.

11. «Вахидовки», «мавродики», «немцовки», «павловки», «парамоновки», «собчаковки», кириенки.

12. Грефомания, рабиномания, чубайсо-немцовофобия, «Жванияфобия».

Как показывают наблюдения, наиболее четко структурировано пространство со значением последователя политического лидера и наименования политического течения или процесса, связанных с конкретным политиком. Наибольшим числом окказиональных производных обладают оними Горбачев, Ельцин, Путин и Жириновский.

Тем более уникально когнитивное содержание производных, не встроенных в эту типичную структуру СГ с вершиной – онимом. Они появляются в результате языковой игры, здесь используются собственно окказиональные способы словообразования: наложение (*БУШевать, М-М-М-авроди, кравчукчи, зюгановости*) и контаминация (*Хаббардак, КОЛЬсилуим, заклинтить, зурабство, помамутнение*).

Характерно, что в образованиях последнего времени особенно превалирует установка на такую языковую игру и «нетипичность», которая прослеживается в СГ с вершиной *Путин*: из 21 производных 10 созданы окказионально, их когнитивное содержание представляется нам уникальным (*Путинбург, Санкт-Путинбург, ПУТИшествие, Путанковое сражение, ВВПуск, путинг, Путиненко, антипутин*).

Дальнейшие исследования могут показать изменение предложенной нами модели словообразовательного гнезда, а также показать степень влияния на общество новых политических имен.

Явление омонимии в оттопонимическом словообразовании

Л. И. Озтюрк

Институт экономики, управления и права, Казань

Межнациональное общение, омонимия в катойконимах

Summary. Difficulties and peculiarities of toponymical word formation within cross-cultural communication.

Наименование людей по месту жительства относится к древнейшим обычаям человечества. Определение слов по территориальному признаку породило особую группу слов, образованных от топонимов: наименования жителей насе-

ленных мест, или катойконимы (от греческого *katoikos* «житель» и *nim* «имя»). Катойконимы активно функционируют в современном русском языке: *москвичи, орловцы, самарцы, казанцы*, и т. д. Но при кажущейся простоте вопросы отто-

понимического словообразования не всегда решаются легко. В литературе по оттопонимическому словопроизводству описываются, как правило, процессы образования наименований жителей крупных населенных пунктов. Наименования же сельских жителей зачастую остаются вне поля зрения исследователей, хотя эти названия многочисленны, отличаются речевой активностью и обладают рядом специфических особенностей.

Один из лексико-семантических процессов, сопровождающих оттопонимическое словообразование, – возникновение слов-омонимов. Омонимия наименований жителей еще недостаточно изучена, но очевидно одно: она является причиной ограниченности образования и употребления отдельных названий. Рассмотрение данного явления на примере оттопонимической лексики Республики Татарстан позволило сделать следующие выводы.

1. Среди названий лиц по месту жительства, прежде всего, выделяются названия, омонимичные словам других лексико-семантических разрядов. Например: *вахитовцы* – жители села *Вахитово* Кукморского района и *вахитовцы* – последователи *Муллагура Вахитова*, татарского революционера. Наименования жителей, омонимичные словам других лексико-семантических разрядов можно обозначить как собственно лексические омонимы. Их различие в контексте, как правило, не составляет труда.

2. Среди наименований жителей выделяются слова, которые омонимичны словам этой же лексико-семантической группы, т. е. наименованиям жителей. К ним относятся одинаковые названия жителей разных населенных пунктов. Отнесение таких слов к омонимам возможно только при определенной оговорке. Известно, что омонимы – это слова разные по значению. Одноименные названия жителей имеют общее лексическое значение, свойственное словам этой лексико-семантической группы слов («житель населенного пункта»), но различное конкретное лексическое значение («житель конкретного населенного пункта»), что обусловлено их различной предметной соотношенностью. Это и дает возможность рассматривать одинаковые названия разных населенных пунктов как омонимы. Учитывая особый характер омонимии в этой лексико-семантической группе, совпадающие по звучанию и написанию слова называем омонимическими наименованиями жителей. Исследования показывают, что эти слова возникают только в результате словообразовательных процессов и их можно разделить на две группы. Первая группа – омонимические наименования жителей, произведенные от омонимических названий населенных пунктов, например: *Кудашево* – деревня Пестречинского района) и *Кудашево* (сёла в Агрызском и Бугульминском районах). Как отмечает большинство исследователей, отличительная особенность собственных географических имен заключается в их уникальности, в стремлении к неповторимости. Однако в силу различных причин повторения географических наименований встречаются довольно часто. Причем, чем менее значимы объекты, тем чаще для их наименования используются одинаковые собственные имена, например: топонимом *Сосновка* на территории Татарстана обозначены девять населенных пунктов. Нетрудно предположить, что он является распространенным и в других географических областях. Поэтому топонимическая омонимия малых

населенных пунктов – явление немаловажное и, безусловно, требующее специального исследования. Вторая группа – омонимические наименования жителей, произведенные от названий населенных пунктов, имеющих общую производящую основу в силу различных языковых явлений, сопровождающих процесс словообразования (наложение, усечение и т. п.). Например: *Петрówka* (наименования населенных пунктов в четырех районах), *Петрówо* (деревня в Пестречинском районе) и *Петрówский* (в трех районах). Несмотря на структурное различие этих топонимов, производящие основы одинаковы и приводят к омонимичным наименованиям жителей – *петрówцы*. Или такой случай: от *Каргалы* (Кайбицкий район) и *Каргалы* (Чистопольский район) образовано наименование – *каргалы́нцы*. В настоящее время данные оттопонимические образования активно используются в текстах документов, в периодической печати и т. д., что требует точности обозначения. Максимальное сохранение облика производящей основы, по-видимому, вполне оправдано и обуславливает появление таких образований, как, например: *петрówкинцы* (от *Петрówka*), *каргалы́нцы* (от *Каргалы*).

3. Особый интерес и вместе с тем сложность представляют оттопонимические образования женского рода. Следует отметить, что редкая употребительность женских наименований обусловлена историко-социологическими причинами. К современному лингвистическим причинам относится, прежде всего, тот факт, что названия женщин образуются по преимуществу с помощью суффикса *-к(а)* и могут быть омонимичными как самому топониму, например: *Кирилловка* (деревня Бугульминского и Высокогорского районов) и *кирилловка* (жительница данного населенного пункта), так и другим географическим наименованиям, например рекам: *Казанка* (река) и *казанка* (жительница города Казань), *Званка* (река) – *Званка* (деревня в Пестречинском районе) – *званка* (жительница данного населенного пункта). Затруднительность образования женских наименований – один из сложных вопросов оттопонимического словопроизводства, требующий специального исследования и скорейшего решения.

Таким образом, особенности наименования жителей во многом зависят от специфики топонима и в определенной степени являются социально обусловленными. В ряду этих особенностей возникновение омонимических наименований жителей – закономерное явление развития языка. Вместе с тем, очевидно, что в некоторых случаях оттопонимическое словообразование затруднительно и заставляет говорящего и пишущего наводить специальные справки и не всегда их получать. Вопросы омонимии оттопонимических образований нуждаются в специальном исследовании и последующей кодификации.

В условиях стремительно развивающегося процесса международного и межнационального общения знание особенностей образования катойконимов, в том числе и явления омонимии, способствует повышению грамотности и ответственности за состояние современного литературного языка. Вопросы оттопонимического словопроизводства представляют интерес для человека, который не может быть безразличным к нормам современной русской речи и стремится совершенствовать свою речевую культуру, что в свою очередь формирует национальную гордость и вместе с тем уважительное отношение к другим языкам и культурам.

Комплексное моделирование словообразовательной системы когнитивными методами (фрейм и пропозиция в применении к словообразовательному типу и гнезду)

М. А. Осадчий

Кемеровский государственный университет

Когнитивное моделирование, словообразовательный тип, гнездо, фрейм, пропозиция

Summary. There is one unsettled problem in modern linguistics – complex modeling word-formation system. In the paper methodic that modeling on basis of cognition units (proposition and frame) is made.

Комплексное моделирование словообразовательной системы – важнейшая задача теоретической дериватологии. Однако эта первоочередная задача оказалась трудновыполнимой. Основными крупными единицами считаются тип и гнездо – единицы качественно различные и к общему знаменателю не сводимые. На современном этапе идея единого моделирования типа и гнезда (гнездотипа) представляется еще более фантастической. Сегодня дериватологическая те-

ория оказалась «асимметричной». Тип и гнездо моделируются на основе различных (даже **разнородных**) единиц.

Как известно, в моделировании словообразовательного типа наиболее продуктивной оказалась **деривационно-формальная** методология. Однако с 80-х гг. XX в. активно начала разрабатываться **пропозициональная** теория деривационных явлений, в том числе пропозициональное моделирование словообразовательного типа (в трудах Е. С. Кубря-

ковой, М. Н. Янценецкой, Л. А. Араевой). В последние годы на основе пропозициональной создается и собственно **когнитивная** («когнитивная», «ментальная», «фреймовая») модель типа (Л. А. Араева). Между тем в рассмотрении феномена гнезда однокоренных слов лингвистика ограничиваются деривационным (формальным) моделированием.

Идея пропозиционально-фреймового моделирования гнезда однокоренных слов восстанавливает **методологическую однородность** анализа деривационных явлений, что открывает возможность целостного макро моделирования деривационной системы как интеграции гнезд и типов на основе общей когнитивной единицы – **пропозиции / фрейма**. Практически это может выглядеть как моделирование типа в виде иерархии инвариантных ситуаций / пропозиций, формулируемых на основе гнездовых пропозиционально-фреймовых связей.

Пропозиционально-фреймовое моделирование призвано выявить в гнезде слов внутреннюю системность, основанную на **деятельностно-семантических** связях между однокоренными словами. В основании предложенного аспекта лежит гипотеза о том, что сам феномен гнезда порожден «сюжетным», «ситуативным» характером человеческого мировидения. В процессе своей культурно-осмысляющей деятельности человек «связывает» мир, замечая и фиксируя в нем «очевидные» для него отношения между вещами (объектами). Подобное «виденье» гнезда глубоко деятельностно, «практично» и соответствует **естественной логике** «здорового смысла».

В потоке речемыслительной деятельности каждое из слово-понятий устанавливает с другими однокоренными слова-

ми особые ролевые отношения. Например, *белочник* (охотник) является субъектом действия *белковать*, специфический объект этого действия – *белка*, отлавливаемая с помощью инструмента – *белочицы*. Эту схему можно продолжить, включив в нее другие члены гнезда. Полное описание таких ролевых связей между однокоренными словами позволяет представить гнездо в виде *комплексной ситуации*, или *фрейма* (в значении «комплексное знание, заданное в форме стереотипных ситуаций»).

Удобной единицей фреймового моделирования гнезда однокоренных слов является пропозиция как схема элементарной ситуации. Принцип пропозиции давно и успешно применяется в дериватологии (как структурной, так и когнитивной) при изучении феномена производного слова, структуры словообразовательного типа и других семантических вопросов (М. Н. Янценецкая, Е. С. Кубрякова, Л. А. Араева, Ю. Г. Панкрац, П. А. Катышев). Введение пропозициональной методологии позволило по-новому взглянуть на феномен производного слова и словообразовательной семантики. Примечательно, что в отечественной лингвистике именно дериватология (задолго до «когнитивного бума») поставила вопрос о пропозиции как форме хранения прототипичных культурных знаний.

Итак, предположим, мы описали пропозиционально-фреймовую структуру большого пласта гнезд русского языка. Сопоставление этих гнезд позволяет сформулировать типовые пропозиционально-фреймовые блоки. Если теперь у каждого из актантов указать типовые (частотные) форманты, то мы получим искомый гнездо-тип:

Фрейм 'ТРАВояДНОЕ ЖИВОТНОЕ'							
'рождение животного'		'охота на животное'				'разделывание туши'	
S	R	S	P	O	I	O	R
-их-	-онок- -ишк-	-ник-	-ова-	∅	-ник- -нищ-	∅	-ин-
зайчиха	зайчонок	белочник	белковать	белка	белочица	заяц	зайчатина

Гнездотип, кроме корневого, имеет и аффиксальное измерение:

-НИК-					
Фрейм 'ТРАВояДНОЕ ЖИВОТНОЕ'			Фрейм 'ДЕРЕВО'		и т. д. и т. д.
'охота на животное' (S, I)			'произрастание дерева' (L)		
S	P	O	I	L	
-ник-	-ова-	∅	-ник- -нищ-	∅ береза	-ник- берёзник

Приведенные схемы демонстрируют возможность синтезировать словообразовательные макроединицы (тип и гнездо) в рамках единой системы. Важно также то, что эта синтетическая система основана на категориях естественной культурной деятельности человека – ситуация, фрейм, пропозиция.

Описанная методология может быть успешно применена в преподавании русского языка как иностранного. Для иностранца немалую трудность представляет осознание формаль-

но-деривационных связей слов изучаемого языка. Это обусловлено тем, что собственно словообразовательная структура является в известной степени научной фикцией. Фреймовое же моделирование основано, прежде всего, на **деятельностных** категориях, т. е. на «естественных», **актуально ощущаемых** связях однокоренных слов. Следовательно, методика фреймовой подачи гнезда может способствовать формированию первичного представления о системности вокабуляра изучаемого иностранного языка.

Омонимия в словообразовании

Д. А. Осильбекова

Московский педагогический государственный университет

Омонимия, производное слово, словообразовательное средство, аффикс

Summary. The Homonymy in Word-formation. The article is devoted to the problem of the homonymy in Russian word-formation. The article examines the homonymy of derivational means (word-formative stems, derivational affixes, derivational forms) and the homonymy of derivatives. We analyze the interrelation between the homonymy of derivational means and lexical homonymy.

Омонимия как явление словообразования изучается в двух направлениях: омонимия словообразовательных средств и омонимия производных слов. Омонимия словообразовательных средств включает в себя: 1) омонимию производящих основ, 2) омонимию аффиксов, 3) омонимию словообразовательной формы.

Омонимия производящих основ (отраженная омонимия) широко представлена в сфере существительного, прилагательного и глагола. У существительных она опирается в основном на омонимию глагола (*топл-енич-е₁* < *топить₁* 'раз-

водить и поддерживать огонь в печи, очаге и т. п.' и *топл-енич-е₂* < *топить₂* 'делать мягким, жидким, нагревая'), у прилагательных – на омонимию существительных (*газ-ов-ый₁* < *газ₁* 'физическое тело' и *газ-ов-ый₂* < *газ₂* 'ткань'). В отраженной омонимии существительных и прилагательных доминирует суффиксальный способ словообразования. Отраженная же омонимия глаголов осуществляется преимущественно в рамках внутриглагольной префиксальной деривации (*недо-жать₁* < *жать₁* 'давить, сжимать' и *недо-жать₂* < *жать₂* 'срезать').

Проблема омонимии словообразовательных аффиксов неотделима от проблемы разграничения полисемии и омонимии аффиксов. В РГ-80 данные явления не разграничиваются, однако вопрос о полисемии и омонимии возникает в силу того, что материально совпадающие аффиксы являются формантами различных словообразовательных типов (СТ). Например, суффикс *-к(а)* участвует в образовании существительных 21 СТ, суффикс *-ин(а)* – 17 СТ, *-ник* – 13 СТ, *-ок* – 11 СТ, *-ец* – 11 СТ, *-ух(а)* – 11 СТ, *-ниц(а)* – 7 СТ. На наш взгляд, можно выделить три основных критерия омонимии словообразовательных аффиксов:

1. Вид аффикса. Не вызывает сомнений омонимия словообразовательных аффиксов разных видов, например, префиксальных и суффиксальных: *а-логичный* и *саж-а-ть*, *ин-вариант* и *баран-ин-а*, *от-ложить* и *крас-от-а*.

2. Часть речи производных и производящих слов. Принадлежность к разным частям речи производных слов, в составе которых встречаются материально идентичные аффиксы, является надежным, но не абсолютным критерием их омонимии, так как некоторые префиксы могут участвовать в образовании и существительных, и прилагательных. Например: *рас-кудрявый* и *рас-красавица*, *не-веселый* и *не-друг*, *без-душный* и *без-душие*.

Принадлежность производящих основ к разным частям речи также не является обязательным критерием омонимии словообразовательных аффиксов. Так, имеется целый ряд субстантивных суффиксов, способных присоединяться к основам разных частей речи и образующих производные с общим значением «носитель признака». Это, например, суффиксы *-к(а)*, *-ин(а)*, *-ниц(а)*, *-иц(а)*, *-ух(а)*, *-ник*, *-ок*, *-ец*, *-иц(е)*, *-Ø* (нулевой суффикс) и др.

3. Словообразовательное значение (семантический критерий). В определении омонимии или полисемии аффиксов, являющихся словообразовательными формантами, вполне логично исходить из словообразовательных значений. Так, к омонимичным мы относим материально совпадающие аффиксы, присоединяемые к производящим основам одной и разных частей речи и выражающие при этом семантически расходящиеся словообразовательные значения. Например, для суффиксов имен существительных омонимичными, на наш взгляд, являются три типа словообразовательных значений, выделяемых в РГ-80. Это 1) предметно-характеризующие значения («носитель процессуального признака, названного мотивирующим словом»); 2) транспозиционные значения («отвлеченный признак, названный мотивирующим словом»); 3) модификационные значения отсубстантивных производных (субъективно-оценочные значения,

значение стилистической модификации, значения женскости, невзрослости, собирательности, единичности).

Вопрос о том, приводит ли омонимия аффиксов к лексической омонимии, возникает тогда, когда омонимичные аффиксы присоединяются к однокоренным основам. Например: *фигурка*₁ (уменьшительное к *фигура*) и *фигурка*₂ (от *фигурное катание*) или *пилка*₁ (от *пила*) и *пилка*₂ (от *пилить*). На наш взгляд, омонимичные суффиксы обусловливают в данном случае лексическую омонимию производных.

Термин «омонимия словообразовательной формы» не является однозначным. Есть разное понимание соотношения этого понятия с членением слова и множественностью мотиваций. Соотношение с лексической омонимией также понимается по-разному. На наш взгляд, если под словообразовательной формой понимать членение слова при словообразовательном анализе на производящую основу и формант, то омонимия наблюдается тогда, когда результаты такого членения формально совпадают при разных мотивациях и, соответственно, при разных словообразовательных значениях. Это лексические омонимы типа *пил-к-а*₁ (от *пилить*) и *пил-к-а*₂ (от *пила*) и многочисленные слова типа *своднич-еств-о* (от *сводник* и *сводничать*).

Омонимия производных слов – это часть лексической омонимии. Омонимия словообразовательных средств входит в нее лишь в том случае, когда она приводит к лексической омонимии. Это отраженная омонимия и лексическая омонимия, обусловленная омонимией аффиксов. К последней относится и омонимия словообразовательной формы типа *пил-к-а*₁ (от *пила*) и *пил-к-а*₂ (от *пилить*). Омонимия производных слов, кроме омонимии словообразовательных средств, включает в себя:

1. Лексические омонимы с различной словообразовательной структурой, т. е. производные и непроизводные слова. Например: *мочка* (яблоко) и *мочка* (уха).

2. Слова, ставшие лексическими омонимами в результате словообразовательного процесса, например, *сенной*₁ (от *сено*) и *сенной*₂ (от *сени*).

3. Лексико-словообразовательно-грамматические омонимы. Сюда относятся случаи типа *запой* (от *запеть*) и *запой* (от *запить*). От слов второй группы они отличаются тем, что относятся к разным частям речи.

Итак, омонимия производных слов является более широким понятием, чем омонимия словообразовательных средств. Омонимия словообразовательных средств соотносится с омонимией производных слов, но не включается в нее полностью.

О когнитивно ориентированном подходе к изучению словообразовательного мотивированных слов

В. П. Панченко

Балашовский филиал Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Мотивированность, словопроизводство, когнезия

Summary. Cognitive oriented research of word-formation of motivated words allows specifying the principles of classification of derivative lexis in word-formation system of the language in order to draw nearer the decision of the questions concerning the current laws of word-formation.

Современная лингвистика располагает большим количеством исследований, в которых мотивированное слово становится объектом заинтересованного и результативного исследования как в области собственно дериватологии, так и в области лексикологии, лексической семантики, лексикографии и др.

Всесторонний системный подход к мотивированному слову, с одной стороны, позволил успешно решить ряд существенных вопросов теории дериватологии: о словообразовательной типологии «готовых» слов, о системе понятий, детерминируемых в качестве словообразовательных, о классификации видов и типов словообразовательной мотивированности и др.. С другой стороны, позволил сформулировать, кажется, еще больший круг значимых вопросов, вытекающих из уже исследованного и описанного: о действующих законах словопроизводства, о понимании механизмов языкового моделирования действительности, иными словами,

вопросы о законах организации словообразовательных типов (СТ) в пределах семантико-словообразовательной категории (ССК), о месте СТ (ядерное / периферийное) в ССК, об определении деривационного потенциала лексико-семантических групп одной части речи и ряд других.

Осмысление поставленных вопросов активизировало размышления языковедов над уточнением методик проведения «собственно словообразовательного» анализа слов.

На исходе XX века мы имеем большое число исследований, в которых мотивированное слово рассматривается в разных аспектах, с применением разных методик: с позиций синхронно-диахронного описания словообразовательных отношений (О. И. Дмитриева, Э. П. Кадькалова, Е. И. Коряковцева, О. Ю. Крючкова, Г. А. Николаев и др.), с привлечением диалектных материалов, окказиональных слов, новообразований последних двух десятилетий, включенных в словари новых слов и значений (О. А. Блинова, Е. А. Зем-

ская, И. С. Улуханов и др.), с учетом лексико-семантической реализации одной из имеющейся структурно-семантической связи полимотивированного слова в художественных, публицистических и разговорных текстах (В. П. Панченко, И. А. Ширшов и др.). Весьма эффективны исследования производного слова в рамках комплексных единиц словообразования: словообразовательного гнезда, словообразовательной парадигмы, словообразовательной формации, словообразовательной категории, структурно-семантических подсистем, объединенных общностью словообразовательной модели (Ю. Г. Кадькалов, О. Ю. Крючкова, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, М. В. Черепанов и др.).

Методика когнитивного подхода к анализу комплексных единиц словообразования – одна из новых, и как показали исследования последних лет, весьма эффективных методик ([Мирошникова 2003], [Земская 1996], [Земская 2004], [Крючкова 2004], [Кубрякова 2004], [Панченко 2005], [Улуханов 2005] и др.). Когнитивно ориентированное исследование словообразовательно мотивированных слов – исследование, ориентированное на познание и познавательные процессы, на поиск неких чувственно-ассоциативных, психологических сигналов номинативной технологии, доступных естественному восприятию носителей языка к повторному их использованию в актах словопроизводства, то есть это поиск активных, осознаваемых мотивационных связей, способных сигнализировать о действующих правилах словопроизводства.

Этапы подобного рода исследований коротко можно представить следующим образом: от классификации уже существующих в языке производных слов, т. е. от классификации того, что лежит на поверхности языковой семантики, от тематической классификации – к пониманию сверхглубинной семантики, законов словопроизводства. Суть когнитивизма, как известно, – в поиске и обнаружении определенных корреляций между понятийными и языковыми структурами, между предметом мысли и языковым знаком.

Подход от формы производных слов к тематической раскладке слов, имеющих эту форму, а затем уже к анализу структурно-семантических отношений в каждом тематическом подразделении, во многом оправдал себя [Кадькалова 1994], [Кадькалова 1998], [Панченко 2005]. Он позволяет увидеть 1) зависимость словообразовательной мотивированности (фактически – словообразовательных значений), а значит, и виртуальных словообразовательных процессов, действующих в русском языке, от понятийного содержания ис-

ходных (мотивирующих) и результативных (мотивированных) единиц; 2) неодинаковый статус (сильные / слабые, активные / неактивные мотивации), казалось бы, однородных мотивационных корреляций в разных тематических группах; 3) разную степень актуальности мотиваций одного словообразовательного ряда (инвариантные и дифференциальные мотивации); 4) их совместимость / несовместимость в границах одной лексемы, а в результате, и 5) возможность, даже необходимость, новой (более содержательной: когнитивно-экспрессивно-концептуальной) классификации словообразовательных типов, существенно отличающейся от традиционной классификации в границах частей речи: от какой части речи и какая часть речи образуется.

При таком подходе, когнитивно ориентированном исследовании словообразовательно мотивированных слов, становится возможным уточнить принципы классификации производной лексики в словообразовательной системе языка с тем, чтобы приблизить решение вопроса о понимании механизмов языкового моделирования действительности, иными словами, проникнуть в тайны механизма взаимодействия жизни и языка.

Далее в докладе предлагается синхронно-диахронный когнитивно ориентированный анализ глаголов с финальностью тематической группы «поступка и поведения». Структурно-семантический анализ мотивированных глаголов направлен на установление системных связей глагольных лексем, т. е. на изучение путей мотивации одного слова другим, на выявление структурно-семантической схемы связывания единиц номинации. В связи с этим рассматриваются следующие вопросы: 1) характеристика мотивационно-словообразовательных связей глаголов в современной системе языка: а) моно- и полимотивированные глаголы, б) их мотиваторы, в) мотивационно-словообразовательные и словообразовательные значения и формы глаголов, г) типы связей (сильные / слабые) полимотивированных слов; 2) динамика мотивационно-словообразовательных отношений в диахронии русского языка: а) генетические связи исследуемых глаголов, б) тенденции развития словообразовательных связей.

Полученные данные позволяют определить продуктивные / непродуктивные, активные / неактивные словообразовательные связи глаголов в пределах исследуемой тематической группы, сформулировать лингвистические и экстралингвистические причины снижения / повышения их продуктивности в истории языка.

Словообразовательная мотивация термина (на материале лексики глиноземной промышленности)

А. В. Перфильева

КГОУ СПО «Ачинский педагогический колледж»

Морфологическая мотивированность, тематическая группа, терминологические наименования

В рамках мотивологического терминоведения актуальна проблема выявления типов мотивированности специальных наименований. В терминоведении применяются типологии мотивированности Т. Р. Кияка (в языке: знаковая, или семиотическая, формальная, или словообразовательная, содержательная, или интенциональная; в речи: референция) [3, 37–39], Т. Л. Канделаки, О. И. Блиновой и др. В мотивологии нет единого понимания словообразовательной мотивированности. Непосредственно употребляется и сам термин (ср.: «морфологическая мотивированность» (О. И. Блинова), «словообразовательно-морфологическая мотивированность» (В. П. Даниленко), «морфологическая, или словообразовательная мотивированность» (Е. А. Штейнгардт) и др. Мы считаем равнозначными терминами «морфологическая мотивированность» и «словообразовательная мотивированность».

Морфологическая мотивированность – это разновидность типа относительной мотивированности, выраженная посредством морфем [1, 36].

Не следует отождествлять мотивацию и словообразование. Как отмечает Н. Д. Голев, различие мотивации и словообразования заключается в том, что внутри мотивационно-словообразовательной структуры ее элементы выполняют разную функцию по отношению к целому – мотивированно-

му слову (мотивату), вследствие этого мотиват будет по-разному представляться и моделироваться, если за точку отсчета при структурировании целого брать тот или другой элемент. Для словообразования, рассматриваемого мотиват «справа налево», т. е. исходя из форманта, фиксирующего то новое, что отличает мотиват от мотиватора, мотивация есть компонент (этап) словообразовательного процесса (динамическое словообразование) или переменный компонент статической модели, словообразовательного типа (динамическое словообразование) [2].

Важно иметь в виду также, что при выявлении мотивационной формы морфологически мотивированных наименований для исследователя важно не членение слова на морфемы, а выявление семантических компонентов слова, осознаваемых носителями языка [4, 30].

Морфологически мотивированные слова следует изучать на уровне тематических групп. Лексические единицы, объединенные в одну тематическую группу, как правило, обладают однотипными морфологическими признаками. В лексике глиноземной промышленности морфологический тип мотивированности характерен для ряда тематических групп. Мы в настоящей работе проанализировали (1) наименования производственных процессов и явлений, (2) на-

именование машин, орудий труда, устройств. Рассмотрим конкретные примеры.

Тематическая группа «Наименование производственных процессов и явлений» представлена единицами, звуковая оболочка которых состоит из значимых сегментов, отражающих мотивировочный и классификационный признак обозначаемого (то есть полностью мотивированных): *грохочение, дробление, измельчение, разрыхление, ворошение, промывка, продувка* и др. Как видим, эксплицитный классификационный признак выражен чаще всего в форманте -ние, который обозначает отвлеченный процессуальный признак (*измельчение, разрыхление*) или конкретные значения орудия действия (*грохочение, дробление*).

Тематическая группа «Наименование машин, орудий труда, устройств» представлена такими единицами, как *кривошип, подвеска, дробилка, мельница, подпятник, грохот* и др.

Как показывает анализ, в этой тематической группе преобладают единицы, характеризующиеся иным типом мотивированности – синтаксическим: *просеивающая по-*

верхность, барабанные грохоты, щековые дробилки, валковые дробилки, барабанные мельницы, плоские качающиеся грохоты и под.

Анализ терминологических наименований лексики глиноземной промышленности показал, что словообразовательная мотивированность преобладает в тематической группе «Наименование производственных процессов и явлений».

Литература

1. Блинова О. И. Русская мотивология: учебно-методическое пособие по спецкурсу для вузов по специальности 021700 «Филология». 2-е изд., перераб. и дополненное. Томск, 2004.
2. Голев Н. Д. Мотивация и словообразование.
3. Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения: Учеб. пособие. Киев, 1989.
4. Нестерова Н. Г. Мотивационное значение слова и его статус: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.
5. Штейнгардт Е. А. Лексика алюминиевой промышленности в свете теории мотивации. Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

Деривационное выражение степени проявления признака в сложных адъективах русского языка

А. В. Петров

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

Степень проявления признака, градационная семантика адъективов

Summary. The article deals with the derivativ aspect of the degree of principle in compositiv adjectiv in Russian. The components, which translat the semantic of high, middle and poor degree of principle, are analyzed.

Категория степени проявления признака в русском языке существует в виде деривационного поля, центр которого составляет система степеней сравнения качественных прилагательных и наречий, а периферия – сложные имена прилагательные с различными препозитивными основами. Наиболее всего в лингвистике изучены морфологические средства выражения степени проявления признака (далее СПП).

Цель настоящего исследования – изучить деривационное выражение степени проявления признака в сложных именах прилагательных русского языка.

Под интересующим нас углом зрения сложные имена прилагательные изучались на материале русского и белорусского языков (Е. В. Лексина), а также украинского (Н. Ф. Клименко, Т. С. Баран).

По степени проявления признака сложные имена прилагательные были подразделены на три подгруппы.

1. Сложные адъективы, реализующие семантику высокой СПП с препозитивными основами БЫСТРО- (быстрорастворимый, быстронакальный), МНОГО- (многоуважаемый человек, многосердечный соединения), СИЛЬНО- (сильнозасоленные почвы, сильновлажный климат, сильноизогнутая поверхность), ВЫСОКО- (высокотоксичные ядохимикаты, высокоминерализованная вода), ОСТРО- (остротоксичные препараты, островспалительный процесс), СКОРО- (скорпортация продукты), ТРУДНО- (труднобольной), ТЯЖЕЛО- (тяжелобольной), ЯРКО- (ярко-зеленый цвет) и нек. др.

Среди выделенных препозитивных элементов высокочастотными являются основы МНОГО-, ВЫСОКО-, СИЛЬНО- и ОСТРО-.

Основа СКОРО- встречается в небольшой группе слов: *скорпортациящийся, скорорастущий, скороспелый*.

Препозитивный элемент ЯРКО- сочетается с цветовыми прилагательными (*ярко-алый, ярко-белый, ярко-зеленый*). Синонимичным ему является основа ЯСНО- (от *ясный* 1 «яркий, сияющий, светлый»), спектр сочетаемости которой разнообразнее: *ясно-желтый, ясно-зеленый, яснокристаллический, яснопросветленный*.

2. Сложные адъективы, реализующие семантику слабой, незначительной СПП с препозитивными основами МАЛО- (малоалкогольная продукция, малоавторитетный ученый), СЛАБО- (слабообеспеченные семьи, слабодовитые змеи), ПОЛУ- (полунинтеллектуальный знакомый, полумеханизированный цех), БЛЕДНО- (бледно-голубой небосклон, бледнолимонный оттенок), БЛЁКЛО- (блёкло-буланый, блёкло-сиреневый), ТУСКЛО- (тускло-белесоватый, тускло-серый) НИЗКО- (низкопрочные материалы, низкопродуктивные хозяйства), НИЖЕ- (нижеоплачиваемая должность, ниже-

*средние показатели), ЛЕГКО- (легкораненый боец, легковооруженный воин), ВЯЛО- (вяло текущий процесс), МЕДЛЕННО- (медленнорастущие породы, медленноплавящиеся металлы), ПЛОХО- (плохооплачиваемый труд, плохослышащие дети). Основы БЛЕДНО- и БЛЁКЛО- сочетаются с цветовыми прилагательными, круг сочетающихся основ с препозитивным элементом БЛЕДНО- шире и разнообразнее: *бледно- и вино-желтый, бледно-медно-красный, бледно-оливково-зеленый*. В сложных адъективах отмечена также основа БЛЕДНОВАТО-: *бледновато-желтый, бледновато-розовый*. Основы БЛЁКЛО-, ТУСКЛО-, БЛЕДНО- занимают первую словную позицию (ср. *мертвенно-бледный*).*

3. Сложные адъективы, реализующие семантику средней СПП с препозитивной основой СРЕДНЕ- и ПОЛУ-: *средневодостойкое покрытие, среднегигиенизированные почвы, среднекаменистый рельеф и полунасыщенный раствор, полумеханизированный цех*.

Препозитивная основа СРЕДНЕ- встречается в составе конструкций с висячим дефисом, передающих сложную градацию СПП, взаимодействуя со следующими основами: ЛЕГКО- (*легко- и среднерастворимый*), СЛАБО- (*средне- и слабоподзолистый*), НИЗКО- (*средне- и низкотемпературный*), ТЯЖЕЛО- (*средне- и тяжелосуглинистый*). В многокомпонентных образованиях основа может занимать также срединную позицию: *сильно-, средне- и слабокаменистый; сильно-, средне- и слабопучинистый*.

Отмечены высокочастотные лексемы, которые сочетаются с основами, передающими высокую, среднюю и слабую степень признака. К ним относятся единицы легированный (*высоколегированный – среднелегированный – слаболегированный*), оплачиваемый (*высокооплачиваемый – среднеоплачиваемый – низкооплачиваемый*), восприимчивый (*высоковосприимчивый – средневосприимчивый – маловосприимчивый*) и др.

Равную, одинаковую степень признака передают сложения с препозитивной основой РАВНО- (*равнонесущие опоры, равногласные строфы, равнокомпонентный состав*).

Сложные имена прилагательные с препозитивными основами вступают в антонимические (ВЫСОКО-... – МАЛО-...: *высокоразвитые страны – малоразвитые*, БЫСТРО-... – СЛАБО-...: *быстрорастворимый кофе – слаборастворимый*) и синонимические отношения (МАЛО-... – СЛАБО-...: *маловетренная погода – слабоветренная*, НИЗКО-... – МАЛО-...: *низкоудойные породы – малоудойные, низкоэффективное производство – малоэффективное*, НИЗКО-... – СЛАБО-...: *низкоуглеродистые соединения – слабоуглеродистые*, ВЫСОКО-... – СИЛЬНО-...: *высокосоленый – сильносоленый*,

высокопористый – сильнопористый, ВЫСОКО-... – МНОГО-...: высокоуважаемый – многоуважаемый, высокоскоростной – многоскоростной).

Выявленные препозитивные основы, с помощью которых передается СПП в именах прилагательных, являются префиксоидами. Препозитивные элементы, имеющие корреляты в виде слов со свободным корнем, характеризуются по

отношению к последним семантическим сдвигом. Все сложные адъективы с градационной семантикой соотносятся посредством толкования с наречием степени, как и аффиксальные имена прилагательные с таким же значением. Этот факт также служит доказательством в пользу того, что сложные адъективы могут рассматриваться в границах деривационного поля СПП.

Грамматические функции словообразовательных формантов и деривационные функции флексий в русском языке

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Взаимодействие словообразования и грамматики, грамматикализация

Summary. Grammar functions of word-formational morphemes and derivational functions of inflexions in the Russian language. An important channel of grammaticalization in the Russian language is modification₁ word-formation. The major part in this process is played by the word-formation mechanism of derivation of some grammar forms (for example aspect and voice forms). Word-formational types are “pulled” into the sphere of compulsory meanings and are used in syntactic and discursive rules. At the same time semantic dominants unite grammar and word-formational meanings and a common syntactic mechanism regulates the use of both grammatical and word-formational forms.

1. Вопросам взаимосвязи словообразования и грамматики в отечественном языкознании всегда уделялось большое внимание: изучалась связь грамматических форм с определенными словообразовательными формантами и типами, субкатегоризация при помощи словообразовательных категорий грамматической семантики (см. работы В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, И. С. Улуханова и др.). Специального изучения требуют такие важные аспекты взаимодействия словообразования и грамматики, как грамматикализация словообразовательных типов и лексикализация грамматических форм.

2. В теории грамматикализации, исследования которой получили новый импульс в последней трети XX века в связи с серией типологических работ о формировании грамматического строя языков, роль словообразования недооценивается, прежде всего потому, что в типологических работах по грамматикализации недостаточное внимание уделяется славянским языкам.

3. Важными факторами грамматикализации модификационных словообразовательных типов являются: словообразовательный механизм деривации некоторых грамматических форм; «втягивание» словообразовательных типов в сферу обязательности выражения значений и участие дериватов в синтаксических и дискурсивных правилах. Грамматикализация словообразовательных типов в современном русском языке возможна на основе семантической доминанты, объединяющей грамматические и словообразовательные значения, либо общего синтаксического механизма, регулирующего употребление как грамматических, так и словообразовательных форм. Большое значение в этом процессе имеет также коррелятивная организация грамматических и словообразовательных категорий.

4. Анализ употребления видов и закономерностей модификационного глагольного словообразования показывает тесное взаимодействие грамматической и словообразовательной деривации русского глагола на основе концепта предела действия как его временной границы. Важным результатом этого взаимодействия является грамматикализация некоторых производных глаголов (начинательных с пристав-

ками *за-, по-, у-*; делимитативов с приставкой *по-*), т. е. приближение их по функциям к видовым парам и участие этих дериватов в целом ряде синтаксических правил и закономерностей построения повествовательных текстов.

5. Грамматикализация может осложняться противоположным процессом – лексикализацией грамматических форм, что проявляется прежде всего в осложнении грамматического значения дополнительными семантическими элементами (под влиянием семантики лексико-семантических и словообразовательных типов), в появлении у грамматических формантов словообразовательных функций. Такое сложное соотношение грамматикализационных и лексикализационных процессов наблюдается в русском языке в рамках категории залога, а именно: использование одного и того же форманта (постфикса *-ся*) для словообразовательной и грамматической деривации; участие в диатетических преобразованиях не только грамматических залоговых форм, но и возвратных словообразовательных модификаций (что можно трактовать как грамматикализацию возвратных модификационных типов); своего рода «лексикализация» возвратных форм страдательного залога в двучленных пассивных конструкциях, т. е. семантическое усложнение этих форм и их сближение по значению с возвратными глаголами, а также сближение грамматического форманта по функции со словообразовательным формантом.

5. Большого внимания требуют также словообразовательные функции флексий в русском языке, которые не упоминаются даже в наиболее полных описаниях способов русского словообразования (ср., например: *заведующий* → *заведующая*, *рабочий* → *рабочая*; *бег* → *бега*, *счет* → *счеты*, *вес* → *весы*). Участие флексий в различных деривационных процессах – образовании новых лексем, лексико-семантических и стилистических вариантов слова, является актуальным вопросом исследования и описания морфологии современного русского языка. Учет названных выше закономерностей взаимодействия грамматической и словообразовательной деривации позволит полно и непротиворечиво описать соотношение формообразования и словообразования в современном русском языке, деривационный потенциал русских флексий.

Современные деривационные процессы с коммуникативно-когнитивных позиций

Л. И. Плотникова

Белгородский государственный университет

Новообразования, коммуникативно-когнитивный подход, концептуальная организация, словопроизводственный процесс

Summary. The article considers the investigation of peculiarities of word-building process. Communicative-cognitive approach take into account different aspects of analysis of new words. Structure of words is reflection of concept organization.

Одним из характерных явлений, отмечающихся в русском языке на современном этапе его развития, является резкое увеличение количества лексических новообразований. Как показывает собранный фактический материал (инновации, извлеченные из периодической печати двух последних десятилетий, а также зафиксированные в различных словарях и справочниках по неологии), новые слова отличаются много-

образием, они различны по степени новизны, способам номинации, продуктивности-непродуктивности словообразовательных моделей и средств и т. д.

Новая лингвистическая парадигма, по мнению Е. С. Кубряковой, характеризуется сближением двух подходов (коммуникативного и когнитивного) к изучению языковых явлений, предполагающих их разностороннее освещение с точки

зрения выполняемых ими коммуникативной и когнитивной функций. Изучение и описание новых слов в рамках когнитивной ономазиологии позволяет определить, как формируются новые структуры представления знаний, какие когнитивные факторы влияют на создание новой единицы. Данный подход, на наш взгляд, является наиболее приемлемым для исследования особенностей словопроизводственного процесса новообразований, так как он способствует, с одной стороны, анализу инновации в определенном речевом акте, а с другой стороны, позволяет определить структуры знаний, репрезентированных на языковом уровне новым словом.

Новообразования – это, как правило, слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания. За каждой частью производного слова стоит определенный концепт, следовательно, словообразовательная структура новообразования позволяет установить связи между концептами, закрепленными за частями нового слова, и определить роли этих отношений как хранителей информации. Этим определяется актуальность использования языкового материала как эмпирической основы для реконструкции когнитивных процессов. В свою очередь *интегративная модель*, объединяющая коммуникативный и когнитивный подходы, позволяет не только исследовать механизм образования нового слова в отдельных коммуникативных актах, но и описать структуры репрезентации различных видов знания и выбор конкретных языковых моделей и средств. Исходным для анализа словопроизводственного процесса является сопоставление новообразования с дескриптом, который предшествовал его объективации в слове, например: «то, чем расчищают» – *расчища-* + *-тель* – «*расчищатель*».

Основу исследования в указанном направлении составляет концептуальный анализ, предполагающий выявление тех концептов, которые лежат в основе наименования, так как, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, именно на уровне концептов осуществляются все процессы, связанные с формированием значения целого.

Элементарные концепты, которые стоят за частями слова, объединяются в определенную концептуальную схему (основной тип когнитивной модели) – пропозициональную структуру, которая объективируется в новой языковой единице. Концептуальная структура, выступающая в порождении знака как ментальное композитное образование, является представителем всей совокупности знаний об обозначаемом, т. е. концепт, стоящий за новообразованием, представляет собой определенную композицию элементов (базовых концептов), составленных в когнитивную модель. Таким образом, пропозициональная форма организации знаний помогает определить те знания, которые стоят за новообразованием, созданным в соответствии с определенной концептуальной схемой.

Анализ языкового материала показал, что одной из наиболее активно пополняющихся групп новообразований является группа слов на *-изация-*: *интернетизация, киллеризация, чубайсизация, фестивализация, шестилетизация, бан-*

дитизация, чизбургеризация, мавродизация, гайдариизация, витринизация, векселлизация, рублевизация, паровозизация, зарплатаизация, чернобылизация, сатанизация, аферизация, долларизация и др. Каждое из перечисленных слов по-своему характеризует определенные явления нашей действительности. Структура таких слов настолько прозрачна, что они не требуют специального контекста для толкования. Россиянин без особого труда поймет значение каждого из этих новообразований, так как владеет экстралингвистической информацией, сосредоточенной в подобного рода словах. Ср. также: «Хуже того, невозможность справиться с этим грехом вызвала к жизни массовую *алкоголизацию* мышления русского человека.» (Вечер. 19.01.1999); «...Единство России может не выдержать второго за последние несколько лет испытания *бартеризацией* и товарным дефицитом» (Изв. 18.09.1993).

Анализ новообразований данной группы позволяет говорить о том, что в результате интеграции различных концептуальных пространств создается сложное понятие, вербализуемое в словах суффиксальной структуры. Однако интеграция на глубинном уровне может сопровождаться усложнением формы языковой единицы, что находит отражение, например, в контаминированных образованиях: «Сплошная *КОМПЬЮТЕРРОРИЗАЦИЯ!*» (ЛГ. 27.01.1987 – *компьютер* + *терроризация* – об интенсивной компьютеризации всех сфер нашей жизни); «Этот объемный документ (31 статья) ставит точку на этапе массовой раздачи госсобственности, получившей в народе прозвище “*прихватизация*”» (КП. 05.08.1997 – *прихватить* + *приватизация*).

Коммуникативно-когнитивный подход к анализу нового слова позволяет распределить все многообразие нового языкового материала по определенным ономазиологическим классам и группам, в составе которых выявляются особенности образования инноваций. За каждым компонентом нового слова стоит определенный базовый концепт (концепт основы, концепт аффикса, концепты разных основ для сложного по структуре слова). Комбинация этих базовых концептов, или пропозициональная структура, является способом концептуальной организации знания. Исследование инноваций в составе различных ономазиологических групп привело к выводу о том, что разные группы характеризуются различными способами концептуализации: группа номинаций лица – носителя признака – атрибутивным способом (*лжегерой, неоправитель, экс-жених* и др.), номинаций лица по отношению к месту деятельности – локативным способом (*супермаркетовец, комковец, пиццерист* и др.).

Своеобразными коррелятами концептуальных связей являются словообразовательные модели, включающие набор деривационных средств, обслуживающих определенные ономазиологические группы. Проведенное исследование позволило заключить, что реализация отдельных способов концептуализации осуществляется с помощью определенных словообразовательных средств. Соотношение между концептуальными и словообразовательными структурами, а также способами концептуализации будет представлено в докладе на примере новообразований, входящих в активно пополняемые в настоящее время ономазиологические группы.

Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в.

Т. В. Попова

Уральский государственный технический университет, Екатеринбург

Графодеривация, русское словообразование, новые явления

Summary. This article deals with graphoderivation as new method of contemporary Russian word formation and its potential for text creation.

Русское словообразование рубежа XX–XXI веков явно свидетельствует о том, что «праздник вербальной свободы», начавшийся в русском языке после перестройки, не только не завершен, но даже набирает силу. Деривационные механизмы русского языка способствуют возникновению значительного количества лексических новообразований «кентавроподобного», поликодового типа: *интернетмен, VIP-билет, Пропаганда*, названия передач «*Вася In Da House*» и под.

Приведенные выше неолексемы свидетельствуют о возрастании продуктивности графодеривации (графико-орфо-

графического способа словообразования). Графикация в качестве самостоятельного способа русского словообразования была выделена В. П. Изотовым, хотя словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе и раньше. В. П. Изотов определяет *графикацию* как «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)», причем только одного языка [3, 76].

В настоящее время выделены такие разновидности этого способа, как: **дефисация** – разбиение слова дефисами на части или слоги с приданием ему другого значения: *по-кончить с собой* (М. Липовецкий); **парентезис** (ср. англ. *parenthesis* – ‘брат в скобки’): *пост(а)теист* (М. Эпштейн); **(само)уничтожение** (М. Липовецкий) и т. п.; **квотация** (ср. англ. *quotation marks* – ‘кавычки’): *«супер»вещь или «супер»идея* (М. Эпштейн), **слешинг** (ср. англ. *Slash* – наклонная черта): **предпостмодернизм*; ***полипунктуализация**¹ (ср. лат. *punctum* – ‘точка’, *poly* – ‘много’) – использование многоточия: *«Оппозиция – оп...позиция»*; ***апострофизация**: *«Аз’арт»* (название рубрики об азах искусства в «Огоньке»); ***курсивизация** – выделение курсивом одной из частей слова, которая совпадает с реально существующим словом: *«А я забыл, кто я. / Звук злата все звончей. / Казна – известно чья? / А я – чей казначей?»* (В. Высоцкий); ***экскламация** (ср. англ. *exclamation* – ‘восклицание’): – использование восклицательного знака для разбиения узуального слова на две и более лексемы, обладающие прагматической значимостью: *вода* → *«Во!Да!»* (название газированного напитка одного из екатеринбургских заводов); ***графоморфоактуализация** – разбивка строки, приводящая к нетрадиционному делению слова на морфемы и актуализации его внутренней формы: *разговоры о // раз // оружии* [Костюков 1966, 230]; **слияние**, или **голофразис**, или **интеграция** [1, 18–19] – написание сочетания слов или целого предложения без пробелов: *политика-как-продолжение-войны-только-другими-средствами, присутствие-в-отсутствии, художник-не-от-мира-сего* и др.; **неузуальное** слабо мотивированное или немотивированное **чередование строчных и прописных букв**: *«ПиП-парад», «СВ-шоу», «ТВ-клуб»; «ФаБРикует»* (пример В. М. Костюкова), *«ПРАВОписание»* (название статьи, в которой рассказывается, что старшеклассники потребовали отставки директора школы); ***грамма-редупликация** – повтор буквы: *«Ну рай!.. Только вот плохо – ждешь-ждешь-ждешь... Тишiiiiiiiiииина»* (С. Валяев) ([3, 77–78], [1, 20–21], [4, 376–387] и др.); ***поликодификация**, или **графогибридизация** – оформление новообразований с помощью графических средств разных языков *«Sim-фония», «Sim-сим», «Re:акция», «Ве4ер отдыха»*. Выделенные подвиды графического способа образования русских слов свидетельствуют о том, что наибольшую активность в современном словотворчестве проявляют не аффиксальные, а операциональные форманты [4, 386], в том числе вставка внутрь слова небуквенных графических средств, приводящая к его неоднозначному осмыслению и экспрессивизации.

Представляется целесообразным более подробно и глубоко проанализировать графодеривацию как продуктивный способ образования номинативно-экспрессивных средств русского языка, обладающих значительным текстопорождающим потенциалом.

Во-первых, использование иноязычной графики приводит к серьезным семантическим сдвигам и смысловому обога-

щению, ассоциативному насыщению названия. Так, названия салонов мобильной и сотовой связи *«Sim-фония», «Sim-сим»* вызывают ассоциации с *sim-картой*, неотъемлемой частью всех мобильных телефонов, *симфонией* как музыкальным жанром и волшебным заклинанием *сим-сим* (намек на неограниченные возможности сотовой связи).

Во-вторых, слова-кентавры могут быть средством связности в гипертексте, придавая целостность изданию, формируя его имидж: достаточно вспомнить названия рубрик в молодежной газете *«Re:акция»*: *re:форма, re:зидент, re:спондент, re:визия, re:актив, re:гистрация, re:месло, re:тро, re:квиет, re:Зина, Стань re:активней!*

В-третьих, графодериваты соответствуют такой тенденции современной художественной и публицистической речи, как культивирование «поэтики полуслова» [2, 355], недоговоренности, что создает эффект многомерности окружающих человека миров. Отказ от определенности значений и закрепленных в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, обуславливает «существование на... мерцающих, пульсирующих границах» (Д. Бавильский).

В-третьих, графодериваты соответствуют такой тенденции современной художественной и публицистической речи, как культивирование «поэтики полуслова» [2, 355], недоговоренности, что создает эффект многомерности окружающих человека миров. Отказ от определенности значений и закрепленных в слове смыслов приводит к тому, что читатель воспринимает прежде всего не реалии и явления, изображаемые в тексте, а авторские интенции, обуславливает «существование на... мерцающих, пульсирующих границах» (Д. Бавильский).

Создание приведенных выше графодериватов эксплицирует и такие новые тенденции современного словотворчества, как активное развитие инкорпорирующего сращения, размывание границ между морфемами, отдельными словами и классами слов, и даже между словом и предложением. Усиление неопределенности языкового знака, в том числе в сфере словообразования (Н. А. Николина), отражает «катастрофический распад реальности» [5, 138], окружающей современного человека и воспринимаемой им, диффузность, нестабильность, текучесть его картины мира.

Литература

1. Гузунова Д. В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма. Автореферат ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003.
2. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
3. Изотов В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования: Монография. Орел, 1998.
4. Николина Н. А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня. 2003. Вып. 2.
5. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000.

Динамика русского диалектного словообразования

Т. Н. Попова

Казанский государственный университет (филиал в г. Набережные Челны)

Именное историческое словообразование, диалекты, суффиксация

Summary. The report is devoted to study of the dynamics of the Russian dialectal derivation and is based on the example of the most active process – suffix's derivation. The peculiarities and the ways of interaction of literary and dialectal derivation systems are under discussion. The book suffixes, which have been changed greatly in the dialectal derivation, in the article they are analyzed from the point of semantic and stylistic derivation, in consideration of chronological and linguistic facts.

Вопрос о теоретическом значении изучения словообразования в диалектах впервые был поставлен еще в середине XIX в. Ф. И. Буслаевым, который рассматривал диалектное словообразование в историко-генетическом плане. В начале XX в. Н. Н. Дурново представил характеристику говора в системе, включая и словообразовательные особенности. Однако по сей день данная проблематика имеет много «белых пятен», наблюдается явная акцентация синхронического описания деривационных процессов в отдельных говорах или их группах. В то время как представляется важным про-

должать изучение диалектного словообразования в плане сопоставления со словообразованием литературного языка с точки зрения эволюционных процессов, выявляя конкретные черты влияния литературного языка и связанные с этим изменения в диалектной словообразовательной системе. Нужны исследования, в которых бы не просто отмечалось влияние литературного языка или других говоров на данный говор, а выяснялись бы конкретные формы проявления такого влияния и связанные с этим изменения в диалектном словопроизводстве.

¹ Термины, отмеченные знаком (*) предлагаются автором данной статьи, хотя само явление могло быть выявлено другими исследователями.

Интерес к вопросам диалектного словообразования как одному из аспектов данной проблематики обусловлен недостаточной его изученностью и легко объясним: словообразование в говорах отличается исключительным разнообразием. Не оставляет сомнений и тот факт, что ряд вопросов исторического словообразования и исторической лексикологии может быть решен только посредством тщательного изучения морфологической системы и лексического состава говоров.

В существующих работах представлено описание взаимодействия литературного и диалектного языка в основном на лексическом уровне (см. работы О. Г. Пороховой, Г. Г. Мельниченко, Л. И. Баранниковой и др.), словообразовательный же аспект изучен мало, хотя пути исследования намечались в работах многих авторов (см. работы Г. Г. Мельниченко, Ю. С. Азарх, Е. Н. Шабровой и др.).

Наблюдения над деривационной системой приводят к бесспорному выводу о том, что наиболее продуктивным способом словообразования в говорах, как и в литературном языке, является суффиксальный, характеризующийся многообразием словообразовательных типов. Показательно, что особенно распространены в говорах те суффиксы, которые в литературном языке уже не являются продуктивными.

Наблюдения над материалами диалектных словарей позволяют говорить не о спонтанных образованиях, а констатировать наличие устойчивых словообразовательных моделей со славяно-книжными суффиксами, вполне адаптированных диалектной речью и вступающих в активные парадигматические отношения друг с другом (например, отношения словообразовательной синонимии). Имена, образованные при помощи «славяно-книжных» суффиксальных формантов *-ство, -ствие, -тель, -ость, -изна, -ние, -ение*, представляют особый интерес, т. к. именно они претерпели значительные изменения. Наличие их в диалектном словопроизводстве подтверждает правомочность существования сложного языкового процесса, при котором «взаимодействовали такие резко противоположные языковые сферы, как церковно-книжный письменный язык и устный диалектный язык, поэтому историю имен с суффиксами *-тель, -ние, -ость, -ство, -ствие* нужно представлять во всей сложности взаимодействия славянских и русских языковых стихий, не преуменьшая роли и значения каждой из них как в формировании этих имен, так и их активизации, распространении, функционировании» (см. [1]).

Производным с «книжными» суффиксами, зафиксированным диалектными словарями, свойственно временное ограничение: фиксация их началась в XIX в.

Наличие производных как от собственно диалектных, так и литературных основ (диалектные: *галавешенья* ← *галавешить* – ‘шутить или говорить пустяки обычно громко’; *блямканье* ← *блямкать* – ‘бренчать, звякать’; *басенья* ← *баситься* – ‘наряжаться, прихорашиваться’; *воскурканье* ← *воскуркать* – ‘каркать’; *голотанье* – ‘гоготание, крик кликуш’ ← *голотать*; *выкомуривание* ← ‘разговор намеками’ ← *выкомуривать*; *возяканье* – ‘возня’ ← *возякаться, дикованье* – ‘помешательство’ ← *диковать* – ‘сходить с ума’; литературные: *выручатель* ← *выручать, гневность* ← *гневный, быстрость* ← *быстрый; блюденье* – ‘тщательный уход, хранение’ ← *блюсти, бранье* – ‘дерганье льна’ ← *брать, вытирание* ← *вытирать* – ‘добыча огня трением о бревно’, *дерзанье* – ‘подергиванье, вздрагиванье’ ← *дерзать* и др.); большая, по сравнению с литературным языком, конкретизация имен на *-ость, -ство, -ние, -ение* (*гру-*

бость – ‘скопление грозных туч, темнота от них’; *необрядство* – ‘грязь’; *бранье* – ‘товар’, *вредительство* – ‘рана’), наличие обширной словообразовательной синонимии (типа *копнитель / копнелищик, необрядность / необрядство, знакомление / знакомость / знакомство*) свидетельствует о том, что деривационные процессы, завершившиеся в литературном языке (например, становление словообразовательных типов со значением *nomina actionis, nomina abstracta, nomina agentis, nomina instrumenti*), в диалектном словопроизводстве находятся еще в стадии формирования. Безусловно, производность от чисто диалектных основ является весьма показательным свидетельством исконности дериватов в говорах. Не менее показательными являются и примеры образований от основы, существующей и в литературном языке, но по нормам, не свойственным литературному языку (например, *разговлянье, коснение* от гл. *коснуться* и т. п.). Такие слова или являются исконно диалектными, или возникли в говоре под влиянием литературного языка, но в соответствии с нормами говора. В обоих случаях они показательны для словообразовательных норм диалекта. Наличие словообразовательных синонимов говорит и о том, что диалектам в целом еще не свойственна четкая дифференциация суффиксов абстрактности по функции и значению, прослеживается некоторая незакрепленность определенного значения за определенным суффиксом, т. е. специфика их значений выражена еще не так четко, как в литературном языке. Такое «отставание» объяснимо тем, что развитие говоров, протекавшее в прошлом в условиях изоляции, несколько препятствовало процессу уточнения функций словообразовательных формантов, их семантической дифференциации. Поэтому можно утверждать, что в современном диалектном языке идет процесс словообразовательного поиска. Большое разнообразие и свобода словообразовательных связей приводят к мысли о том, что словообразовательная активность анализируемых формантов в говорах выше, чем в литературном языке, т. е. следует ожидать дальнейшего роста производных образований с использованием формантов *-ство, -ствие, -тель, -ость, -изна, -ние, -ение*.

Активизации анализируемых словообразовательных моделей на протяжении XIX–XX вв. способствовали, помимо внутриязыковых, и экстралингвистические факторы: роль церкви и церковных книг на селе, затем Октябрьская революция 1917 г., индустриализация, научно-технический прогресс и активное распространение СМИ.

Литература

1. Николаев Г. А. Очерки по историческому словообразованию русского языка. Frankfurt am Main, 1994.
2. Попова Т. Н. Книжно-славянские словообразовательные модели в русском диалектном языке // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики. Poznań, 2002. С. 153–159.
3. Попова Т. Н. К вопросу о суффиксальном словообразовании в русских говорах // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 143. Казань, 2002. С. 198–203.
4. Попова Т. Н. О роли диалектного словообразования в теории русского исторического словообразования // Studia polono-ruthenica. Памяти проф. А. Бартошевича: Сб. научных работ. Казань, 2005. С. 171–179.
5. Попова Т. Н. Проблемы русского диалектного словообразования // Русский язык: система и функционирование. Ч. 2 Минск, 2004. С. 63–66.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. I–XXXVIII. М.; Л., 1965–2005.

Особенности словообразования в детской речи

О. В. Почтарёва

Тюменский государственный университет

Детская речь, словообразование

Summary. Word-formation’s peculiarity in the children’s speech. Verbs educated for nouns and nouns educated from verbs.

Детская речь изобилует словами разных частей речи, отличными от имеющихся в нормативной речи взрослых. Отглагольные существительные и отыменные глаголы принадлежат к достаточно частотным новообразованиям детской речи. Для детей не представляет труда переводение слова из одной части речи в другую, причем переход этот подчинен ло-

гике системных закономерностей функционирования языка, даже если речь идет не о потенциальных словах. Исследования указанного противоречия, по словам Н. Д. Арутюновой, позволяет «вникнуть в природу самого канона» [1, 303].

Все новообразованные отыменные глаголы в детской речи объединяются общим значением действия, имеющего

отношение к предмету, названному производящим существительным. Эти глаголы могут образовываться путем суффиксации, причем собой продуктивностью отличается модель с суффиксом **-и(ть)**: *ножить, мясорубить, колоколоть, петросянуть* и др. Группа глаголов со значением «находится где-нибудь, проводить где-нибудь время» образуется от существительных при помощи суффикса **-ова(ть)**, **-ева(ть)** или **-ва(ть)**: *деповать, весновать, дачевать, куствовать* и др. Часть глаголов образуется при помощи суффикса **-а(ть)** и имеют значение «совершать действие с данным предметом, характерное для него»: *паяльничать, грубияничать, гантельничать*.

Для образования глаголов от существительных используются также сочетание одного из названных выше суффиксов с приставками, например, **за- + -и(ть)**, **-ова(ть)**: *затопорить, задверить, замолоточить* и др. Обобщенное значение таких образований можно представить как «пересечение объектом действия определенной границы и направленность его в пространство по ту сторону». У этой модели в детской речи отмечается и значение «начать совершать действие с использованием данного предмета», что напоминает начинательный способ глагольного действия, однако в данном случае наблюдается уже явление мутации, а не модификации, так как производящим выступает существительное, а не глагол: *Тут враги как заавтоматят!* Весьма необычно с точки зрения семантики и выбора производящего (имени собственного) образование *зафилиппить*: *Девочка слышит, что запел Филипп Киркоров: «О, зафилиппил!»* – т. е. начать производить действие, характерное для человека по имени Филипп.

Без особых затруднений прибегают дети к комбинациям **суффикс + постфикс**: *Настя увидела кувшинки на речке. «Смотрите, Смотрите! Речка невестится, вся в цветах...»* Весьма отчетливо ощущается новизна и необычность таких дериватов, зачастую необходим контекст для того, чтобы этимологизировать слово. Эти новообразования следует рассматривать как возникшие на основе дефиниционного типа деривации [2, 50].

Почти все приставочно-суффиксально-постфиксальные модели образования глаголов являются самостоятельно созданными ребенком на основе комбинации других моделей. Здесь разграничиваются аналогический (*олистится, накартошиться, намакарониться*) и дефиниционный (*позрекалиться, зажелезиться, озолиться*) типы словопроизводства.

Достаточно частотен в речи детей и обратный процесс: образование существительных от глаголов. Значение отвлеченного действия выражают дериваты, имеющие суффикс **-ний(-ений-)**: *починивание, посаживание, играние, перегноение, коление, машение, сдаение, сердение, мерение* и др. Гораздо реже дети образуют при помощи этого суффикса существительные для названия конкретных предметов, вещей. Ср.: *Куда вы мое лепление спрятали?* (*лепление* – поделка; то, что вылепили).

Кроме вышеназванного, для создания слов со значением отвлеченного действия активно используется и суффикс **-к-**: *подумка, повторка* и др. Однако чаще собственно отвлеченным отмечаются опредмеченные значения у слов с данным суффиксом: *взвешка* (напольные весы), *запачка* (пятно),

натёрка (мозоль) и др. «Отвлеченная лексика детской речи ярко показывает, что детям труднее осваивать явления, непосредственно в опыте не данные, свойства, проявляющиеся в динамике, внутренние психологические состояния. Соответственно слова, называющие эти явления, употребляются отлучено от взрослой речи» [3, 131].

Достаточно частотно в речи детей образование от глаголов существительных орудийного значения. Распространены в этой функции суффиксы **-к-**: *печатка* (калькулятор), *включка* (выключатель); **-лк-**: *заводилка, завивалка, измерялка, слушалка*; **-льник**: *крутильщик* (электрощипцы для завивки волос), *чесальник* (расческа) и др. Хотя предметные и орудийные существительные весьма распространены, первое место среди отглагольных образований в речи детей занимают слова со значением деятеля. Наиболее частотны в этой функции суффиксы **-тель(-тельниц)**: *помогатель, продаватель, пугатель, опоздатель* и др.; **-ник(-льщик, -ниц-)**: *копальник, собиральник, починник, массажник, нападница* и др.; **-щик(-льщик-)**: *воровщик, схватчик, топтальщик, возильщик, улыбальщик* и др.; **-ун(-юн-)**: *сплюн, влюблун, храуня*.

В большинстве случаев значение отглагольных имен существительных, называющих лицо, невозможно определить без контекста. Например: *«Я прибиватель мух»* (*прибиватель* – человек, прихлопывающий кого-л.). И подобных примеров можно привести множество. Такие существительные образуются по дефиниционному типу.

Наиболее частотны детские неологизмы, заполняющие относительные лакуны в языке, то есть образованные по довольно продуктивным моделям и являющиеся потенциальными. Но встречаются и существительные, образование которых происходит с каким-либо нарушением деривационной модели. Так, например, суффикс **-их(а)** имеет значение «женскости» и присоединяется к основам существительных, например: *слониха, врачиха, повариха*. В детской речи этот суффикс может образовывать существительные от глагольных основ: *Я тебе шутку сделаю. Я шутиха такая*; – *Таня, о чем ты думала? – О маме и папе. – Эх ты, думиха, думиха*.

Приведенная типология показывает, что отыменные глаголы и отглагольные субстантивы, образующиеся в детской речи, имеют по преимуществу компенсаторный характер, так как восполняют незнание ребенком узального наименования той или иной реалии, какого-либо понятия или действия. Большинство детских неологизмов являются потенциальными словами, а встречающиеся ненормативные новообразования подчинены логике системных закономерностей функционирования языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М., 1988.
2. Вараксин Л. А. Дефиниционное словообразование суффиксальных существительных со значением лица // Традиции славяно-русской словесности в Тюмени. Тюмень, 2000. С. 49–57.
3. Радзиховская В. К., Саенкова Н. А. О проявлении лексико-грамматической разрядности в детской речи // Детская речь: Проблемы и наблюдения: Межвуз. сб. научн. тр. Л., 1989.

Словообразовательные неологизмы в современных СМИ как смысловая доминанта эпохи

Л. В. Рацибурская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Словообразовательные процессы, неологизмы, окказиональные слова, средства массовой информации, лингвокультурология

Summary. In the theses were analyzed structural-semantic peculiarities of derivational neologisms as the means of fixation of certain epochal symbols in modern mass media.

Современные средства массовой информации отражают актуальные, характерные для конкретного времени явления, то есть запечатлевают определенные символы эпохи. Вербальным средством фиксации этих символов нередко становятся словообразовательные неологизмы, как общеязыковые, так и индивидуально-авторские, то есть окказиональные слова. Исследователи отмечают «клавинообразный характер процесса неологизации русского языка на рубеже ве-

ков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в постсоветском пространстве», образно определяемую как «праздник вербальной свободы» [3, 5]. «Окказиональные слова нередко выступают главными смысловыми индикаторами текстов, репрезентируя актуальные социальные, экономические, политические, культурные и другие проблемы конкретного исторического периода» [1, 19]. По мнению исследователей, «семантика слов и оборотов, их со-

отношение раскрывают кризисное, нестабильное состояние нашего государства, которое проявляется в коренном переустройстве власти, экономики, мировоззрения, в противостоянии оценок, взглядов, образа жизни людей, смене ценностных приоритетов, росте негативных явлений» [4, 83]. В качестве смысловой доминанты текстов используются новообразования, акцентирующие популярные, известные реалии рубежа XX–XXI вв.: *авиапроисшествие, антисталинист, ваучериада, взрывомания, интернет-преступность, квазизаконность, кибер-хулиганы, кинотусовка, киноэротика, мегасериал, мегапроект, мегауниверситет, минималка, (торговая) политвойна, порно모델, псевдоэктрасенс, психотеррор, сверхмобильный (эвакуатор), секс-рабыня, спидоопасный, суперакция, твердовалютный, шоу-тусовка, элктросекс, vip-убийства, web-барашка* и др.

Структура функционирующих в языке газеты новообразований социально обусловлена: «при помощи словообразовательных средств обозначается обычно то, что является наиболее важным и ценным в сознании народа» [2, 177]. Так, на негативные явления и конфронтацию в обществе словообразовательная система реагирует с помощью префиксов *анти-* со значением отрицания (*антисталинист, антисветская премия*), *недо-* со значением неполноты (действия) (*экономика в России недосоциализирована, псевдо-, квази-* со значением неистинности, ложности (*псевдоэктрасенс, квазизаконность*) и др.; таких частей аффиксоидного характера, как *лже-* (*лжепредприниматель, лжереформы, лжефармацевты*), *-мания* (*взрывомания, игромания*) и др.

В связи с воздействующей направленностью дискурса массовой информации обращает на себя внимание экспрессивно-оценочный характер словообразовательных неологизмов в СМИ. «Некоторые словообразовательные единицы имеют облигаторную оценочность и содержат маркированные компоненты экспрессивности, другие обладают потенциалом оценки, которая реализуется в речевом акте» [5, 158]. Средством выражения оценки могут стать окказионализмы, образованные с помощью, как безоценочных аффиксов (например, суффиксов *-ист, -лк(а), -(ист)ск(ий)* и др.: *грабовисты* (последователи Грабового. – Л. Р.); *«развлекаловки» на канале не будет; «нацистские» идеологи*), так и субъективно-оценочных суффиксов (*Джентльменский набор: «мышка» и «мисска»*). В создании оценочных новообразований могут участвовать также префиксы *сверх-, супер-* со значением высокой степени качества (*сверхзаботливая мамочка; «супербогачка» Оксана (Робски. – Л. Р.) гардероб обновляла редко; футбольные чемпионаты – это не что иное, как многотысячные «сексодомы», на которых мужчины демонстрируют свою супермужественность; псевдо-, (псевдохолостяцкий отдых, тяга к псевдороскоши, разные методы борьбы с псевдодиетологами); экс-* с указанием на

прежнее качество (*в Дивеево экс-полпред приехал <...> и исцеляться; Но бывший жених Ксении Собчак <...> старался не бывать на тех мероприятиях, <...> на которые записалась его экс-невеста*). Экспрессивно-оценочными могут быть и новообразования с аффиксоидами *лже-* (*Фитотерапевтические препараты подделывают гораздо реже, чем синтетические. Причина проста: они недороги и связываться с ними лжефармацевтам невыгодно*); *порно-* (*После изучения содержимого ноутбука задержанного «порнодоктора» опера поразились еще больше*); *теле-* (*Чаще всего такими телепристрастиями «страдают» женщины всех возрастов; Интересно, есть ли чувство юмора у теленачальников, отмеряющих юмор лошадиными дозами*), *-мания* (*В стране началась настоящая пластилиномания... А виной тому – мультфильм «Пластилиновая ворона»*), а также сложные слова (*Осторожно, фальшиводиетчицы!; Как защитить ребенка от интернет-преступников?; Представители французов не выдержали информатаки Донцовой*).

«Таким образом, творческая языковая личность порождает тексты с коммуникативно-прагматической установкой на креативное общение, <...> используя при этом в качестве текстообразующих смысловых и оценочных доминант окказиональные образования, <...> являющиеся, в свою очередь, эмблемами эпохи конца XX – начала XXI вв.» [1, 19]. Новообразования в СМИ «отражают все перемены, происходящие в жизни российского общества, и являются «номинативными последствиями» социальных изменений» [2, 171]. Новообразования не только «тематически отражают все изменения, происходящие в различных сферах» современной жизни, но и «способствуют интерпретации явлений действительности и пониманию специфики их восприятия в определенной лингвокультурной общности людей. Особенности новых номинаций, как и закрепившихся в языке слов, связаны со своеобразием национальной культуры народа, потому что в их использовании отражается национально-культурное видение мира» [2, 170].

Литература

1. Беглова Е. И. Неузальная лексика как текстовая доминанта (на материале газетных текстов рубежа XX–XXI вв.) // Языковая игра. Детская речь. Екатеринбург, 2006.
2. Плотникова Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности. Белгород, 2003.
3. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гузунова Д. В. Неология и неография современного русского языка. М., 2005.
4. Поцения Д. М. Изменения в словарном составе языка и новые лексикографические идеи // Современные языковые процессы. СПб., 2003.
5. Трошкина Т. Тенденции в современном русском словообразовании и их реализация в языке средств массовой информации // Вопросы лингвистики и лингводидактики. Познань, 2004.

Метаязык дериватологии: мотивация, мотивированность, производность

Н. Ю. Санникова

Астраханский государственный университет

Дериватология, метаязык, словообразовательная мотивация, словообразовательная мотивированность, словообразовательная производность

Summary. The article is devoted to correlation of semantic and word-formation structure of the basic word-formation terms.

1. Лингвистическая терминология – обязательный концептуально-языковой инструментарий, способствующий адекватному описанию всех уровней языковой системы.

2. Существенная инвентаризация и систематизация лингвистической терминологии была произведена авторами «Русской грамматики», «Лингвистического энциклопедического словаря», энциклопедии «Русский язык», различных словарей лингвистических терминов. В то же время в различных лексикографических источниках и научных статьях встречаются значительные различия в толковании и употреблении некоторых терминов, позволяющие вынести суждение о том, что говорить об окончательной сформированности метаязыка лингвистики преждевременно.

3. В большой мере это утверждение зиждется на отсутствии целостной непротиворечивой деривационной терминосистемы, к существенным недостаткам которой следует отнести необоснованную синонимию таких основополагающих терминов словообразования, как *словообразователь-*

ная мотивация, словообразовательная мотивированность, словообразовательная производность, представляющих разные стороны процесса деривации.

4. Термины *мотивация – мотивированность* характеризуются определенным параллелизмом в соотношениях формальных и семантических компонентов слов. Члены названной оппозиции находятся в отношениях параллельной словообразовательной производности и созданы на базе глагола *мотивировать* ('приводить мотивы, т. е. доводы в пользу чего-л.'): *мотивировать* → *мотивация* и *мотивировать* → *мотивированный* → *мотивированность*. Оба производных включают в себя производящее как формально, так и семантически. В то же время отличаются друг от друга семантическими компонентами, которые выражены ведущими компонентами словообразовательного форманта – суффиксами *-ость-* и *-аци-*, представляющими дифференцирующую часть соответствующих основ. В процессе деривации производное существительное *мотивированность*

получает значение отвлеченного процессуального признака, а существительное *мотивация* – отвлеченного действия со вторичным значением результата действия.

5. Термин *производность* создан на базе прилагательного *производный*, созданного, в свою очередь, от основы глагола *производить* ('устанавливать происхождение кого-чего-л.').

6. *Словообразовательная мотивация* – это процесс **обусловливания** семантики деривата значением мотивирующего слова.

Словообразовательная мотивированность – это семантическая **обусловленность** деривата значением мотивирующего слова. *Словообразовательная производность* – это синхроническая структурная выводимость деривата из отсылочной части (производящей базы) и формантной части (словообразовательных средств).

7. Анализируя дериват с точки зрения семантики, целесообразно говорить о его *мотивации* и *мотивированности*, с формальной точки зрения – о его производности.

Универбация как традиционный активный процесс в русском языке

Т. Д. Соколовская

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)

Универбация, активный процесс, традиции

1. Термин «универбация» вошел в научный обиход в конце прошлого века. В. В. Лопатин раскрывает понятие универбация в широком смысле: как однословное наименование, функционирующее наряду с многословным производящим, типа *Третьяковка* → *Третьяковская галерея* или *ГТГ* ← *Государственная Третьяковская галерея*. В рамках данного понятия рассматриваются явления аббревиации, суффиксации, субстантивации, а также усечения (как суффиксальное: *ультрафиолет* ← *ультрафиолетовые лучи*; так и усечение одной из основ: *метро* ← *метрополитен*).

2. В предлагаемом выступлении универбация рассматривается в узком смысле: как традиционный способ вторичной номинации явлений русской жизни. Например: *святки* ← *святые вечера празднования Рождества Христова*; *конка* ← *городская железная дорога с конной тягой*; *смолянка* ← *воспитанница Смольного института благородных девиц*; *бестужевка* ← *слушательница женских курсов под патронажем Бестужева*. Вторичность появления однословных наименований связана со стремлением экономно обозначить актуальное явление.

Сокращение в подобных случаях осуществляется на основе слова – признака, входящего в полное наименование. Таким словом является как правило, прилагательное, реже – существительное, зачастую – имя собственное. Например: в прессе читаем: «Вот, скажем, проблема инвестиций и *оборотных средств*. Мы уже говорили о том, что “*оборотка*” найдется». Или: «Календари носят забытое название – “*непрерывки*”. Это связано с тем, что в 30-е годы была объявлена *непрерывная рабочая неделя* всего лишь с одним выходным, который мог прийти на любой день недели». Или: Цена земли на *Минке* (*Минское шоссе*) достигло кое-где... долларов за *сотку* (*сотая часть га – гектара*).

Очевидно, что формантом рассматриваемых вторичных однословных наименований является суффикс *-к(-а)*.

3. Следствием чрезвычайной активности суффикса является разнотипность образованных с его помощью наименований. На наш взгляд следует различать наименования на *-к(-а)*, имеющие синонимично полные наименования, типа: *сгущёнка* – *консервированное сгущённое молоко с сахаром* (надпись на этикетке); *Варшавка* – *Варшавское шоссе*; *минералка* – *столовая минеральная вода*; *экслюзивка* – *экслюзивное интервью*; *наружка* – *наружная реклама* и т. д.

Такие наименования используются в речи в обоих вариантах. От них отличаются подобные наименования, не имеющие полных вариантов, а требующие толкования, типа: *зелёнка* – 1) густая зелень как источник потенциальной опасности (*Огонь вели из той зелёнки*); *сталинка*, *путинка* – типы элитного жилья; ул. *Сретенка* – на которой Сретенский монастырь; ул. *Солянка* – где были соляные склады; ул. *Лубянка* – где был рынок лубяных товаров.

Под универбатами следует понимать тип наименований, имеющих полные варианты: однословные (*uni + verbum*) и неоднословные, которые являются синонимами, как правило, стилистическими: полное используется в официальной сфере, неполное – в разговорной, откуда нередко проникает в общелитературный язык (*открытка* ← *открытое письмо* и др.).

Наименования, имеющие формант *-к(-а)* или *-лк(-а)*, но образованные от глагольных основ называются «универбалы», типа *обтяжка* (пуговиц), *обивка* (мягкой мебели), как обозначение процесса в сфере бытовых услуг; или *зажигалка* как обозначение прибора и др. Чрезвычайная активность суффикса *-к(-а)* порождает такие номинации, как *аифка* ← газета «А и Ф» («Аргументы и факты»); *эсмэска* ← SMS – сообщение наряду с «*посылашкой*» по *мобильнику* (*мобильному телефону*); *рашка* ← Russia (марки российского производства).

4. Место подобных наименований в современном литературном языке различно: одни функционируют как общелитературные (*электричка* – ср.: *поезд электрической железной дороги*; *электropоезд*); другие – в профессиональной сфере (*нефтянка*, *социалка*, *пищёвка*, *военка*, *оборонка*) (ср.: *нефтяная отрасль*, *пищевая промышленность*, *военно-промышленный комплекс*); третьи – в обиходной бытовой сфере (*маршрутка*, *тушёнка* и др.). Объединяет их сфера возникновения – устная речь.

Литература

1. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
2. *Лопатин В. В.* Универбация. Энциклопедия «Русский язык». М., 1997.
3. *Осипова Л. И.* Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация, усечение). М., 1999.
4. *Соколовская Т. Д.* Нормативные сокращения в современном русском языке. М., 1999.

Приставки и концептуализация действия в истории русского языка

Л. В. Табаченко

Ростовский государственный университет

Приставки, история русского языка, причинно-целевая и пространственная концептуализация действия

Summary. The History of the Russian Language has seen a long history in the development of spatially marked affixes. They progressed from such affixes to semantically complicated units. These units represent specific semantic system which conceptualizes the action. This conceptualization is either of cause and effect character (including mutation word formation types) or space and action character.

1. Русские глагольные приставки эволюционизировали от адвербов, как правило, являвшихся пространственными маркерами действия, до аффиксов, представляющих сложную семантическую систему концептуализации действия (М. А. Кронгауз) – с включением причинно-целевой перспективы действия (мутационные словообразовательные типы – СТ) или с различной концептуализацией пространства.

2. Появление мутационных СТ, обозначающих новую ситуацию, свидетельствует о том, что становится актуальным не только пространственное маркирование действия или его темпорально-результативные характеристики (как в СТ, представляющих способы глагольного действия), но и включение в сложную глагольную номинацию причинно-целевой перспективы, ориентированной на субъект и объект дей-

ствия. Например, глаголы типа *пропить, проесть, проиграть* или *высидеть (диссертацию), выслужить (чин)* обозначают новую ситуацию – растраты в первом случае и приобретения, добывания во втором – и выражают связь между новыми ситуациями и исходным действием, выступающим их причиной (Е. В. Петрухина). Новые мутационные СТ развиваются в недрах старых пространственных и результативных, однако представляют собой гораздо более сложное образование.

3. Значение растраты у мутационного СТ с приставкой *про-* формировалась под влиянием нескольких СТ с этой приставкой: а) СТ со значением ‘направить мимо чего-либо действие’ (*пролити, просыпаться*); б) СТ со значением ‘испортить(ся), продырявить(ся)’ (*прогореть, провалять(ся), продырявиться*); в) СТ с результативным значением, включающим основы со значением растраты, негативного действия, в котором происходило семантическое заражение приставки от основ (*пронурились* ‘впустую потерять’ от *нурились* ‘тратить, истощать’; *проказались* ‘повредить, погубить’ от *казались* ‘портить, калечить, изменять к худшему’ и др.).

4. Функционирование указанных СТ привело к формированию у приставки *про-* на основе пространственной и общерезультативной семантики значения ошибки, утраты, на основе которой и развивается новый мутационный СТ со значением растраты. Глаголами-образцами СТ ‘истратить, израсходовать что-либо на действие, названное мотивирующим глаголом’, стали глаголы *пропить* ‘истратить на пьянство, пропить’ (с XII в.) и *проѣсть* ‘израсходовать, потратить на еду, на жизнь’ (с XV в.).

5. Параллельно функционировали и другие СТ, в которых проявлялось значение ошибки, утраты у приставки *про-*: а) СТ со значением ‘ошибиться / причинить ущерб / утратить что-либо при выполнении указанного действия’ (*пропамятовать* ‘запамятовать, забыть’, *продумать* ‘ошибиться, прийти к неправильному решению’, *прописати* ‘случайно, по ошибке не записать, пропустить’, *процѣловати* ‘целуя крест кому-либо (присягая на верность), потерять свои права на кого-либо, что-либо’, *промиловати* ‘неразумно расщедриться в ущерб себе’); б) СТ, включающий постфикс *-ся*, со значением ‘причинить себе ущерб ошибочным или невольным совершением действия’ (*проторговаться, пробитися* ‘потерять имущество, проспорив заклад, заплатив штраф за драку’, *проговариваться*); в) СТ со значением ‘пропустить что-либо, совершая действие, названное мотивирующим глаголом’ (типа *прогулять*), глаголами-образцами которого явились *пропустить* ‘разрешать проход, проезд’, ‘простить, спустить’, *проронить* ‘упустить, пропустить’.

6. Мутационный СТ со значением ‘получить, добыть что-либо’, включающим субъектно-объектную причинно-целевую перспективу, формировалось в ряде глаголов-образцов в недрах старого пространственного значения при семантическом заражении от основ этих глаголов: *выкупить, выскывать* ‘добывать чего-л.’ (др.-р. *искати* ‘стремиться к чему-л., взysкивать, домогаться’), *вымолить* ‘выпросить’: са-

ми основы *купить, искати, молить* содержат определенное указание на целевую перспективу владения объектом. В дальнейшем этот СТ проявляет большую продуктивность: в старорусский период он пополняется глаголами *выбожить* ‘получить, выпросить при помощи божбы’; *выпросити*; *выбаломутити* ‘добыть хитростью, обманом, внося смуту, сбывая с толку’; *выгати* ‘с помощью лжи получить что-л., присвоить’; *выманывати* ‘получать что-л. хитростью, обманом, лестью’; *вымучити* ‘получить что-л. в результате насилия, вымучить’; *выработати* ‘заработать’; *выиграти* ‘приобрести игрой’ и др.; в XVIII в. – *выбалагурить* простореч. ‘балагуря, выманить что-л.’, *выбарыничать* ‘торгуясь, добиться уступки; выторговать’, *выговорить* ‘оговорить что-л. в свою пользу при договоре, сделке’, *выгадать* ‘получить, приобрести путем расчета’ и др.; в XIX в. появились, например, глаголы с позиционными стальных основами – *выстоять* ‘долгим стоянием добыть’; *вылежать* ‘добывать что лежа или лежкой, ничего не делая’; *высидеть* (прост., шутол.) ‘путем долгой усидчивой работы, долгих размышлений, занятий написать, сочинить что-л., прийти к чему-л.’. Этот СТ продуктивен и сейчас, о чем свидетельствуют окказионализмы *выдразнить, выстрадать, вышагать, выболеть* с общим значением ‘получить в результате каких-либо действий’.

7. Подобное развитие приставки от аффикса, уточняющего значение корневой морфемы, до единицы, по-разному концептуализирующей пространство и движение, наблюдается и в приставочных глаголах перемещения. Перенос локально характеризующего акцента с глагола на форму имени существительного создал условия для функциональной дифференциации пространственных глагольных приставок на основе характеристики макропараметров глагольного действия. Синонимичные пространственно-направительные глагольные приставки стали описывать не только направление, но и всю ситуацию глагольного действия, представляя основанные на разной концептуализации пространства пространственно-направительные модели глагола, т. е. «конкретные виды упорядоченного перемещения, смоделированные языком при участии глагольных приставок» (Н. Т. Валеева).

8. Например, в истории русского языка глаголы движения с приставками *при-* и *под-* развили общее значение ‘направляться к чему-нибудь’ – обозначение перемещения по горизонтали между двумя точками по направлению к пункту назначения: *прийти – подойти*, однако они принципиально по-разному моделируют пространство и движение (Н. Т. Валеева; В. А. Плунгян; Д. В. Якунина) по следующим параметрам: а) целостное, неделимое на фрагменты движение (*при-*) / ситуация приближения к границам ориентира, в область его непосредственной доминирования, с акцентом на последнем этапе движения перед вхождением в зону пространственного доминирования ориентира (*под-*); б) переход из одной пространственной области в другую (*при-*) / протекание действия в пределах одной пространственной области. На разных хронологических срезах истории русского языка отмечаются определенные этапы дифференциации этих пространственно-направительных моделей.

Словотворчество А. Вознесенского

Е. В. Тумакова

Тюменский государственный университет

Способы окказионального словообразования, новообразование

Summary. The report denotes active means of occasional words formation in the poetry of Andrey Voznesenskiy.

А. Вознесенский в своих поэтических произведениях довольно часто прибегает к созданию окказиональных слов, что объясняется несколькими причинами: стремлением создать яркий, необычный художественный образ, желанием привлечь внимание читателя к изображаемому, заинтересовать его необычным обликом слова, выразить собственную оценку, мнение и т. д.

Поэт использует различные типы новообразований: орфографические (*тыщ* вместо *тысяч*, *дуришак* вместо *дуришлаг*), морфологические (*дуплы* вместо *дупла*, *ухи* вместо *уши*), графические (изменение шрифта, смешение строчных и прописных букв) и др. Однако преобладающими в поэзии А. Вознесенского являются деривационные новации, со-

зданные при помощи окказиональных способов словообразования. К таким способам относятся:

1) междусловное наложение (термин Н. А. Янко-Триницкой), при котором на конец одного слова накладывается омонимичное начало другого (*урагангел* от *ураган* и *ангел*, *сюрпризрак* от *сюрприз* и *призрак* и др.);

2) контаминация, т. е. соединение частей разных слов на основе их созвучия (*экономикадзе* от *экономика* и *камикадзе* и др.);

3) произвольное усечение начальных, срединных и конечных элементов слов;

4) окказиональное сращение (устранение пробелов между словами);

5) разрыв слова и перестановка его частей (в этом случае сегменты одного слова помещаются, как правило, в начало и конец поэтической строки, вследствие чего создается эффект бесконечной фразы: конец стиха всегда отсылает к его началу).

Названные способы окказионального словообразования активно используются в произведениях А. Вознесенского, т. к. в настоящее время, по справедливому замечанию Н. А. Фа-

теевой, в поэзии доминирует ориентация на письменную форму текста. Многие окказионализмы можно понять и оценить лишь в том случае, если они воспринимаются зрителем. При этом обнажается деривационная структура слова, вскрывается механизм его порождения. Установка на визуальное восприятие графического облика слова является неотъемлемой чертой нашего времени, поэтому новообразования А. Вознесенского актуальны и интересны для читателя.

Имена существительные со значением лица на *-(ов)ик*: современное состояние

Е. В. Хабибуллина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань

Субстантивная суффиксация, переразложение основ, сложный суффикс

Summary. The object of the analysis in the present article is the function of the complex word-building suffix *-ovik* in nouns system. This affix belongs to colloquial speech and professional lexics.

В процессе производства имен существительных суффикс *-ик* мог присоединяться к основам прилагательных на *-овый / -евый*. Так образовывались предметные существительные-названия (*боровик, березовик*), названия животных, а также имена лиц в говорах (*бедовик, городовик*). В литературном языке имена лиц от этих прилагательных начали появляться в XIX веке; окончательное оформление данной модели произошло в XX веке (*почтовик, массовик, рядовик*). Подобные образования достаточно регулярно фиксировались словарями новых слов в 70–80-е годы XX века. Многие из них представляют собой включения или «стяжения»: прилагательные, формально выступающие в качестве производящей базы, как правило, входят в состав словосочетаний (*бытовик – работник бытового обслуживания, вахтовик – вахтовый рабочий, рейсовик – водитель рейсового автобуса*). При «стяжении» в некоторых случаях возможна двоякая мотивация. Например, *сетевик (сеть, сетевой)* – «работник, занятый на строительстве или эксплуатации энергосетей» [7], *кроссовик (кросс, кроссовый пробег)* – «участник какого-либо кросса» [4].

Соответственно, у «стяженных» именованных может выделяться либо суффикс *-ик*, либо суффикс *-овик*. А. А. Дементьев, говоря о переразложении основ у адъективных существительных на *-ик*, упоминал и об именах на *-(ов)ик*. Он предлагал, например, выделять как производящую морфему суффикс *-овик* у существительного *грузовик* [1]. Это предложение, хотя и ошибочное для данного слова, являющегося включением (производящая основа – *грузовой автомобиль*), может быть приемлемым для ряда других образований. В Грамматике-80 суффикс *-овик* как самостоятельная морфема, участвующая в производстве имен со значением лица, не выделяется, то же в «Краткой русской грамматике-89». Однако некоторые примеры в [7] и [2–6] убеждают нас в возможности такого выделения: *текст* → *текстовик* – «автор, пишущий тексты для песен» [7], *рост* → *ростовик* – «специалист по рашению минералов» [2].

Подобно суффиксу *-ик*, суффикс *-овик* стал выделяться у имен лиц, первоначально мотивированных отсубстантивными прилагательными. В структуру этих имен входят части, являющиеся основами исходных субстантивов, так как «они имеют в языке объективное существование, как основы самостоятельных слов», а морфема *-ов-*, «уже утратившая в существительных на *-ик* свою первоначальную функцию суффиксов прилагательных, становится частью сложного суффикса...» [1, 46]. Такое происходит если имя на *-ик* без ущерба для семантики может установить соотношенность с исходным существительным, минуя непосредственно мотивирующее прилагательное.

С течением времени может возникнуть ситуация, когда сразу сложно установить исходный вид производящего словосочетания: определяющее прилагательное или определяющее существительное следует включить в его состав. Например, *тундровик – тундровый житель* или *житель тундры* [7]? Как следует определять морфему-дериватор: суффикс *-ик-* или *-овик-*? В данных именованных лицо определяется скорее по его отношению к предмету, явлению, нежели по признаку, качеству, поэтому *тундровик* – «житель

тундры», а не *тундровый житель, лифтовик* – «специалист по монтажу лифтов», а не *лифтовый мастер* [6].

У некоторых новых имен, образованных от субстантивов с помощью суффикса *-овик*, нет промежуточного звена в виде прилагательного, так как даже если существует адъектив, структурно способный выполнить эту роль, семантика его не соответствует семантике нового имени: *спусковик* – «спортсмен, занимающийся скоростным спуском» (ср. *спусковой* – «относящийся к спуску – механизму стрелкового оружия»). Таким образом, в качестве формальной производящей основы у имен лиц на *-овик*, как правило, выделяется субстантив, входящий в состав многословного именованного. Однако полностью исключить участие адъективных основ нельзя. Так, в [3] отмечен интересный случай появления формально отадъективного имени на *-овик* с усечением производящей основы: от словосочетания *мастер сверхглубокого бурения* образуется новое существительное *сверхглубовик*.

Суффикс *-овик* в окказиональных дериватах может быть связан словообразовательными отношениями не только со словосочетаниями. Как каламбурное появляется в [5] образование *кадровик* (уличный ухажер, волокита). Здесь мы имеем дело не с семантическим дериватом к уже имеющемуся в языке обозначению лица по профессиональной деятельности (*кадровик* – «работник отдела кадров»). Составители сборника дают это слово как производное от глагола *кадрить* в значении «ухаживать», то есть как *nomina agentis*. Здесь же мы находим существительное *кадра* – «девушка, женщина, за которой кто-либо ухаживает». Семантические связи с глаголом *кадрить* у новообразованного имени на *-овик* достаточно сильны, но отсутствие других примеров подобного рода подчеркивает необычность, нарочитость данного деривата и каламбурную связь его с омонимичным узואльным существительным.

С семантической точки зрения сфера появления имен с суффиксом *-овик* довольно широка: лицо обозначается и по месту жительства (*тундровик*), и по области деятельности, роду занятий (*плотовик* – «спортсмен, занимающийся спортивным слаломом на плотах» [2], *притчевик* – «писатель, работающий в жанре, близком притче» [3]). С точки зрения стилистической принадлежности, основными сферами распространения имен с суффиксом *-овик* являются разговорная речь, профессиональная лексика. Данный тип, как и имена на *-ик*, уступает по продуктивности образованиям с суффиксом *-ик*, тем не менее он периодически задействует в производстве новых единиц лексики.

Литература

1. Дементьев А. А. Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та. Вып. 5. 1942. с. 41–56.

Словари

2. Новое в русской лексике. Словарные материалы-79. М., 1983.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М., 1984.
4. Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М., 1986.
5. Новое в русской лексике. Словарные материалы-83. М., 1987.
6. Новое в русской лексике. Словарные материалы-84. М., 1989.
7. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.